

INSPIRIA

Дженнифер Адамс

ЭЛИЗА

и ее поклонники

Один поцелуй
меняет все...

INSPIRIA

Дженнифер Адамс
Элиза и ее поклонники
Серия «Cupsake. Леди
и их поклонники»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579916

Элиза и ее поклонники: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-191794-4

Аннотация

Исторические декорации, пикантные сцены, тайны и загадки. Идеальный роман для фанатов книг Джейн Остин и сериала «Бриджертоны».

Стильный покет со сверкающей фольгой на обложке и роскошными иллюстрациями внутри.

Роскошные балы 19 века, романтика, страсть и юная писательница, которая мечтает стать новой Джейн Остин.

Баден-Баден, лето 1830. Юная графиня Элиза фон Фрайберг находит старое любовное письмо. Интригующее послание заставляет Элизу взяться за перо. Но как написать о чувствах, когда ничего не знаешь о любви?

Молодой барон Филипп фон Хоэнхорн рад помочь Элизе в ее необычном исследовании физического влечения. Оно, конечно

же, носит исключительно теоретический характер. Но один поцелуй меняет все...

Между героями зарождается тайная страсть, которая либо превратится в настоящую любовь, либо погубит репутацию графини навсегда.

Почему Баден-Баден? Все просто. В XIX веке немецкий Баден-Баден превратился в летнюю столицу Европы. В город приезжали высокопоставленные лица и именитые гости, которые происходили из высшего европейского дворянства.

Баден-Баден XIX века – это балы, концерты, азартные игры, прогулки по дивным паркам и аллеям.

Элиза и Филипп, главные герои романа, прекрасные образцы свободных и восторженных мыслей того времени – эпохи романтизма. Но они не единственные, кто поддался очарованию лета в Баден-Бадене, ведь читателей ждет целый цикл.

«Очаровательная и воздушная история тайной любви, благодаря которой можно прогуляться по летнему Баден-Бадену XIX века. Пикантные сцены будут согревать щеки смущением, а трогательная романтическая линия заставит сердце биться чаще». – АЛЕКС ХИЛЛ, писательница

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	45
Глава 7	55
Глава 8	64
Глава 9	69
Глава 10	74
Глава 11	82
Глава 12	86
Глава 13	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дженнифер Адамс

Элиза и ее поклонники

Jennifer Adams

ELISE – DIE LADY UND IHRE VEREHRER © 2022 Piper

Verlag GmbH, München/Berlin

The cover design is made by Sandra Taufer, München.

The image credit reads:

Shutterstock.com und Creative Market (Belliaroze)

© Николенко М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Когда обе кареты графа фон Фрайберга остановились наконец перед дворцом, выкрашенным белой краской, Элиза вздохнула с облегчением. Путешествие из фамильного замка в курортный городок Баден, где располагалась летняя резиденция семейства, длилось всего лишь несколько часов, однако от тесноты и тряски Элизе сделалось дурно, и потому она поспешила подняться с мягкого сиденья.

– Надеюсь, ты не думаешь сойти прежде *tatan*? – остановил ее Франц.

Элиза с раздражением закатила глаза. Если кому и пришлось ее поучать, то уж точно не ему. Годами он старше, это верно, однако отнюдь не являет собою образца благонравия. Недавно Элиза по чистой случайности узнала из разговора родителей, что в Гейдельбергском университете с братцем едва не вышел какой-то скандал. К сожалению, *rara* и *tatan* слишком рано заметили присутствие дочери и более не сказали об этом ни слова.

Что же такое Франц натворил? Вероятнее всего, дело не обошлось без вина, карт или женщины.

Тихонько вздохнув, Элиза дождалась, пока брат помог сойти маменьке, и лишь тогда, подобрав широкие юбки, сошла сама. Она постаралась сделать это как можно элегантнее, ведь никогда не знаешь, кто на тебя смотрит. Между

тем первое впечатление зачастую играет в судьбе решающую роль. Элизе минуло восемнадцать, и она намеревалась показать себя местному обществу с лучшей стороны.

Еще прошлым летом балы, вечера и концерты в курзале были ей недоступны. Теперь же она дебютировала в свете и в скором времени могла встретить молодого мужчину, способного составить для нее хорошую партию. Элиза не желала этого так сильно, как ее отец, однако мысль о замужестве вовсе не была ей отвратительна. Наверное, это приятно – иметь поклонников. Многих ли кавалеров она привлечет? Быть может, у нее наконец появится возможность осуществить замысел, с некоторых пор не дававший ей покоя?

Те, кто путешествовал во втором экипаже – *пара*, сестры Элизы Амели и Йозефина, а также гувернантка фройляйн Леманн, – уже сошли и теперь направлялись к парадной двери, предупредительно отворенной лакеем. Еще двое слуг подбежали к каретам, чтобы забрать багаж.

«Ах, до чего же здесь славно!» – подумала Элиза. Она любила и Баден, и тихую речушку Ос, и Лихтенталер-Аллее, и этот дворец, каждое лето собиравший в своих стенах семейство фон Фрайберг. Погода обещала быть чудесной. Яркое светило солнце, и усердная птица, притаившаяся где-то совсем рядом, громко выводила веселую трель. Элиза окинула взглядом ближайшие кусты и деревья, ища пернатого певца, но увидела только воробьев, игравших друг с другом в салки на ветвях живой изгороди.

Сделав глубокий вдох, молодая графиня размеренным шагом последовала за своей маменькой, но на пороге вдруг остановилась. Ее окликнули – такой знакомый голос! Она обернулась, не сдержав широкой улыбки. Анна!

Это в самом деле была Анна – сияющая от радости и запыхавшаяся от спешки, не вполне совместной с изяществом манер. При виде лучшей подруги Элиза тоже позабыла о своем намерении держаться чинно и бросилась ей навстречу.

– Я увидела вас, когда вы проезжали мимо нашей виллы, и захотела скорее тебя обнять, – проговорила, тяжело дыша, Анна фон Креберн и тут же исполнила желаемое, а затем отстранилась и, оглядев Элизу, заявила: – Ты элегантна!

Элиза нетерпеливо отмахнулась. Стоит ли говорить о платьях, когда после долгой разлуки наконец-то видишь дорогую подругу? Сияя, она схватила Анну за руки.

– Так ты, стало быть, уже здесь? А писала, что будешь только завтра или послезавтра! Я уж приготовилась весь день скучать в одиночестве...

Анна рассмеялась:

– Скучать в одиночестве? Ты? Да разве такое возможно? Ты всегда приезжаешь сюда с сестрами и братьями, а все мои уже замужем или женаты. Я вынуждена довольствоваться обществом фройляйн Нахтхайм, которая с годами не становится ни моложе, ни веселее. Вот я-то знаю, что такое скука!

– Понимаю тебя, мой друг, – улыбнулась Элиза, – но, вероятно, скоро тебе уже не понадобятся никакие гувернантки

и компаньонки. Нужно только поскорее найти себе мужа.

Анна лукаво вздернула бровь.

– Поживем – увидим. Как бы то ни было, хорошо, что мы обе уже здесь. Через несколько дней в курзале дается первый бал сезона.

– Его-то *rara* и имел в предмете.

– Хорошо ли они все поживают? Отец, маменька, Амели и Йозефина?

– Все в добром здравии, только сестрицы злятся из-за того, что еще не выезжают, – отвечала Элиза. – Кажется, они всерьез завидуют мне.

– А Франц и Юлиус тоже здесь?

– Юлиус проведет это лето не с нами, а в Берлине, по приглашению университетского товарища.

– Жаль.

– Брось, ты же знаешь, как он скучен. Вечно сидит, уткнувши нос в книгу.

– Ну а Франц?

– Ох уж этот Франц! *Rara* давеча в шутку спросил *tatan*, отчего она не родила первым Юлиуса. Дескать, тогда у нас был бы более надежный наследник. А Франц опять впутался в какую-то историю, только вот в какую – этого я пока не разузнала.

Анна тихонько засмеялась. Элиза продолжала:

– Завтра мы ждем мою тетю Берту, а послезавтра – некоего Филиппа фон Хоэнхорна. Он университетский приятель

Франца и будет гостить у нас этим летом.

– Ах, как любопытно! Думаешь...

– Элиза, ну где же ты? – воскликнула мать семейства фон Фрайберг, снова появившись в дверях.

– Смотри, *tatan*, кто пришел нас поприветствовать! – отозвалась Элиза. – Фон Креберны уже здесь!

– Анна! Иди ко мне, дитя мое, дай тебя разглядеть! – с улыбкой произнесла старшая графиня и простерла вперед обе руки.

– Добрый день, тетушка! – ответила Анна, почтительно присев, и позволила себя обнять.

Маменьки двух приятельниц состояли лишь в дальнем родстве, однако называли друг друга кузинами. Это обстоятельство упрочивало и без того тесное многолетнее знакомство их семей.

– Ты все хорошеешь, – заключила графиня фон Фрайберг. – Не удивлюсь, если скоро вы с Элизой вскружите головы всем здешним молодым людям. – Барышни с улыбкой переглянулись. – Однако теперь я вас ненадолго разлучу. Нам нужно отдохнуть с дороги. Вечером Элиза будет гулять с фройляйн Леманн, Амели и Йозефиной по Лихтенталер-Аллее. Ты могла бы к ним присоединиться, Анна.

Элиза надула губы.

– Ах, *tatan*! К лицу ли мне, дебютантке, прогуливаться вместе с младшими сестрами в сопровождении учительницы? Не лучше ли будет, если я просто зайду к Анне?

– Пожалуйста, тетя Фридерика! Мы с Элизой так давно не видались! Мне не терпится похвастать нашей розовой беседкой. Она вся в бутонах, которые вот-вот расцветут! А еще у нас новый павильон с чудесным видом на всю долину!

– Ну так и быть, – улыбнулась графиня. – В виде исключения разрешаю. Если ты, Анна, не возражаешь, Элиза придет к тебе в четыре.

Барышни радостно кивнули и попрощались друг с другом по-французски – поцелуем в обе щеки, – после чего Элиза, следуя за матерью, вошла в дом.

Девушкой овладело радостное нетерпение. Сейчас она займет свою прежнюю комнату, сменит дорожное платье на новое голубое, расшитое цветами, после легкого обеда поиграет немного на фортепьяно, ну а потом отправится наконец-то к Анне, и они вдоволь наговорятся обо всем на свете!

Ах, каким чудесным будет это лето в Бадене!

Глава 2

Филипп фон Хоэнхорн никогда прежде не бывал в этом курортном городке. Разумеется, он слышал о том, что Леопольд фон Хохберг, наследник великого герцога Баденского, охотно проводит летние месяцы здесь, у подножия Шварцвальда, вместе со своей супругой, шведской принцессой Софией Вильгельминой. В газетах писали о знаменитом архитекторе Фридрихе Вайнбреннере, построившем за старой городской стеной великолепный дом¹, где поселилась растущая семья наследного принца. Филипп читал об этом, и только.

В нынешнем, тысяча восемьсот тридцатом году наследник превратился в четвертого великого герцога Баденского, Леопольда I. Вскоре после этого события Франц фон Фрайберг, пируя в Гейдельберге со своими товарищами-студентами, обмолвился о том, что его брат уезжает на лето в Берлин.

– Теперь мне придется изнывать от скуки в обществе трех младших сестер, – сказал Франц, криво усмехнувшись. – Если только ты не заменишь мне Юлиуса, согласившись у нас

---

¹ Особняк в стиле классицизм, построенный Фридрихом Вайнбреннером в 1808 году по заказу состоятельного баденского врача, был приобретен наследным принцем Леопольдом в 1824 году. Впоследствии здание стало называться виллой Гамильтона, по имени одного из более поздних владельцев. – *Здесь и далее прим. перев.*

погостить.

В последнем семестре молодые люди очень сдружились и всегда весело проводили время. Поэтому Филипп охотно принял предложение Франца провести лето с ним в Баден-Бадене, как порой для краткости называли излюбленный курорт герцога. Молодой фон Фрайберг объяснил: поскольку свой Баден есть и в Швейцарии, и близ Вены, то этот Баден, расположенный в герцогстве Баден, следовало бы именовать Баденом-в-Бадене, что, однако, звучало бы слишком громоздко.

Был вечер, когда Филипп въехал в открытые ворота летней резиденции фон Фрайбергов. Спешившись, он окинул изумленным взглядом фасад белого графского дворца, обсаженного цветущими кустарниками и горделиво взирающего на гостя своими многочисленными окнами. Семья Франца была, очевидно, не только очень родовита, но и очень богата.

Слуга, поспешивший взять лошадь гостя под уздцы, сообщил ему, что его уже ожидают.

– Благодарю, – сказал Филипп и направился к дверям, которые отворились прежде, чем он успел приблизиться.

Три молоденькие девушки с громким щебетом выпорхнули ему навстречу и, не обращая на него внимания, заспешили прочь. Их сопровождала дама средних лет, на вид довольно нервозная. Если это были юные графини фон Фрайберг со своей гувернанткой, то неудивительно, что Франц не захотел остаться в их компании без поддержки друга.

Филипп обернулся и, приподняв брови, поглядел вслед девушкам, которые, вертя в руках солнечные зонтики, быстро вышли через кованые ворота на улицу. Только бы эти молодые особы не оказались совсем уж дурами. Имея только двух братьев много моложе себя, Филипп совершенно не умел обращаться с барышнями. Впрочем, таковое умение ему, пожалуй, и не требовалось. «Две младшие, – говорил Франц, – еще сидят в классной. С ними ты будешь видаться лишь от случая к случаю, как гость дома. Только Элиза в этом сезоне начнет выходить в свет».

– Дружище! Наконец-то! Твой багаж доставили еще утром, и с тех пор я с нетерпением ждал тебя.

Теплые слова Франца избавили Филиппа от легкой робости, которая овладела им при встрече с хохочущими барышнями. Вскоре университетские приятели уже сидели на защищенной от ветра террасе и пили пиво за здоровье друг друга. Поскольку ни родителей, ни сестер Франца дома не было, молодые люди могли держаться свободно и беседовать запросто, не стесняя себя правилами светского обращения.

– Благодатный покой! После выпускных экзаменов он мне не помешает! – сказал Филипп.

Франц покачал головой:

– О покое даже и не мечтай! Балы, концерты, игорные дома и множество хорошеньких женщин – вот для чего люди приезжают летом в Баден, *mon ami!*²

---

² Мой друг (фр.).

Филипп усмехнулся:

– Опять думаешь о женщинах? Неужто гейдельбергская история нисколько тебя не охладила? Твои родители, сколько я могу судить, были весьма раздосадованы ею.

– Не повезло – такое может случиться со всяким, – ответил Франц, пожав плечами. – Не быть же мне теперь затворником, как ты.

– О затворничестве я не говорю, но сдержанность, осмотрительность в отношении женщин, на которых ты не намерен жениться, – не кажется ли тебе, что это дело чести?

Франц, вздохнув, сказал:

– Ты, как всегда, ужасно разумен.

– А что мне еще остается? Моя семья, в отличие от твоей, небогата. До тех пор пока я не получу хорошего адвокатского места, которое обеспечит мне доход, я не могу позволить себе жениться.

– Зачем же сразу жениться?

– Вот мы и пришли к тому, с чего начали, – рассмеялся Филипп.

Потом приятели почти не говорили, а только наслаждались мягким летним теплом, обществом друг друга и предвкушением радостей последующих недель.

Позже вернулись граф и графиня в сопровождении некоей дамы. Филипп почтительно приветствовал хозяев дома. Их спутница оказалась старшей сестрой отца Франца, баронессой Бертой фон Лаутербах. Впрочем, об этом нетрудно

было догадаться: на близкое родство с графом указывала и стальная седина ее волос, и четкость черт лица. «Впечатляющая особа. Посмотрела, будто насквозь проткнула. Ощущение не из приятных», – мысленно отметил Филипп и перевел взгляд на графиню.

Фридерика фон Фрайберг была, очевидно, много моложе своего мужа. Она обворожительно улыбалась, отчего на ее щеках возникали маленькие ямочки, и говорила всякие приятности. Попросив гостя чувствовать себя как дома, графиня обратилась к сыну:

– Кстати, Франц, где твои сестры?

– К счастью, прогуливаются с Анной и фройляйн Леманн, – последовал ответ.

– Это вселяет надежду, что к вечеру барышни нащербутся вдоволь и за ужином будут сидеть тихо, – шутливо заметил граф.

Графиня бросила на него укоризненный взгляд.

– Теодор! Из твоих слов наш гость составит себе неверное представление о наших дочерях как о каких-нибудь легкомысленных особах. На самом же деле Амели и Йозефина – почти дети, и этим все сказано, однако Элиза не так давно превратилась в прекрасную молодую даму. В этом году она дебютирует в свете. Полагаю, Франц об этом упоминал?

– Упоминал, сударыня, – ответил Филипп.

– В таком случае вы скоро сами сможете оценить и очарование Элизы, и ее танцевальное искусство.

Филипп похолодел. Уж не с тем ли его пригласили в дом, чтобы он, как верный рыцарь, всюду сопровождал молодую графиню? Ничто подобное отнюдь не входило в его намерения!

— Ах, напрасно вы так испугались! — рассмеялась хозяйка. — Мы вовсе не ждем от вас, что вы посватаетесь к нашей Элизе. Я нисколько не сомневаюсь, что мы найдем для нее подходящего мужа. Не теперь, так в следующем году. Или через пару лет. Я не спешу выдворить любимую дочь из лона нашей семьи.

Графиня искоса бросила на мужа взгляд, свидетельствовавший о том, что последние слова были сказаны ему в пику.

Филипп кивнул и учтиво улыбнулся. Женский пол, само собой, не был ему неприятен. Он любил потанцевать и пофлиртовать с дамами. Но связывать себя обязательствами — этого он решительно не хотел.

* * *

Вечером в обеденной зале был накрыт роскошный стол. Обещанный хозяйкой «ужин без церемоний» состоял из многих блюд, однако светские условности действительно соблюдались нестрого. Присутствовало все семейство, не исключая младших дочерей, места занимались по желанию и настроению.

Гостя посадили между графиней и Францем. Тот ожив-

ленно беседовал с тетушкой, которая расположилась на конце стола, напротив хозяина, всецело поглощенного трапезой. Барышни уселись против Филиппа, чтобы быть у него на виду.

Всех трех он нашел прехорошенькими. Особенно младшую, Йозефину, унаследовавшую от матери обворожительную улыбку и ямочки на щеках. Амели была похожа на сестру почти как близнец, но казалась более робкой и задумчивой, а потому оставалось только гадать, возникают ли на ее щеках ямочки, когда она улыбается.

Элиза же и вовсе разочаровала Филиппа. Впрочем, она приветствовала его вполне любезно и, к счастью, не смеялась при этом. Собою тоже была отнюдь не дурна. Филипп сразу же подметил, как хороши ее карие глаза и искусно убранные светло-каштановые волосы. Однако она имела досадную привычку морщить лоб, что и делала постоянно, очень серьезно говоря о чем-то со своей теткой.

«Хорошо, что мне не придется проводить много времени в обществе юных графинь, – подумал Филипп. – Завтра я, наверное, и вовсе их не увижу, ведь мы с Францем едем осматривать окрестности. На первый бал сезона нам всем, однако, приличествует явиться, и, пожалуй, я должен буду хотя бы раз пригласить Элизу, ну а после пускай себе проводит время как ей угодно и ведет серьезные беседы с кем пожелает. Мне до этого дела нет».

Филипп решительно вознамерился не оставлять Франца в

покое до тех пор, пока тот не ознакомит его со всеми местными достопримечательностями. Они вдвоем будут ходить и в концерты, и на прогулки по лесистым склонам Шварцвальда. К тому же в летней резиденции фон Фрайбергов имелась превосходная библиотека, в чем Филипп, к своему восторгу, убедился, когда Франц показывал ему дом. Разве не славно посидеть с книгой в саду, если нет другого развлечения? Свежий воздух, летнее солнце и праздность – чего еще мог желать студент, который много месяцев корпел над кодексами и сводами законов, чтобы с успехом окончить курс на юридическом факультете!

Глава 3

Тетя Берта была убеждена в исключительной полезности баденских вод и горячо рекомендовала племянницам употреблять их как внутренне, так и наружно. В самом деле, нельзя было поспорить с тем, что в свои шестьдесят лет баронесса оставалась женщиной столь же элегантною, сколь и энергичной.

Тем не менее следующим утром Элиза предпочла не идти вместе со всем семейством к источникам, а остаться дома и принять свою подругу Анну, которой ей так о многом хотелось рассказать.

– Ну будь по-твоему, – согласилась маменька, – но только сегодня. С завтрашнего дня изволь аккуратно сопровождать нас с отцом к бювету. Других обязанностей у тебя нет, а потому будь добра участвовать в жизни местного общества.

Элиза поблагодарила мать книксеном. Как чудесно! Франц и его друг сразу же после завтрака отправились на долгую прогулку по окрестностям, остальные ушли к бювету. Во дворце не осталось никого, кроме слуг.

– Мы теперь одни и можем разговаривать без помех, – радостно сообщила Элиза своей гостье, как только та вошла. – Все отправились пить эту омерзительную воду.

– Но ты же понимаешь, что дело не в питье, а в том, чтобы на других посмотреть и себя показать? – сказала Анна, сле-

дую за подругой в музыкальный салон, со вкусом отделанный в золотисто-желтых тонах и украшенный пестрыми летними цветами.

Элиза пожала плечами.

– Это успеется. Бювет и завтра будет стоять на прежнем месте. А сегодня я лучше проведу время с тобой. Не выйти ли нам в сад?

Она указала на застекленную двустворчатую дверь.

– По-моему, сегодня немного прохладно, – ответила Анна, поколебавшись. – Может, сперва посмотрим книгу, о которой ты мне говорила? Заодно расскажешь мне о вашем госте. Каков он? Хорош собой? Они с Францем тоже пошли к источникам?

– Ах, Анна! Ты же знаешь Франца, ну а друг его ничуть не лучше. Они оба уже куда-то ускакали. Что до наружности нашего гостя... – Элиза наклонила голову набок, критически скривив рот. Анна смотрела на нее с нетерпением. – Ох, право, не знаю, что тебе сказать. Он высок, даже чуть выше нашего Франца, худощав. Волосы темные и немного выются. У него маленькие усики и бакенбарды. А глаза карие – потемнее моих, я думаю.

– Портрет довольно привлекательный, хоть я и не люблю бакенбард. Они похожи на котлеты.

– Если судить беспристрастно, то надобно признать, что барон фон Хоэнхорн недурен, – промолвила Элиза.

– Но ты судишь о нем иначе? – спросила Анна.

Элиза вздернула брови.

– А как прикажешь мне судить о человеке, который так много о себе мнит, что едва взглянул на сестер своего друга, не говоря уж о том, чтобы обменяться со мной парой разумных слов?

Анна засмеялась. Элиза вдруг решила не упоминать о том, что поначалу гость Франца приглянулся ей. Вчера, когда он сел за стол наискось от нее, она почувствовала трепет под ложечкой. Столь нелюбимые Анной «котлеты» были, как показалось Элизе, вполне к лицу этому молодому человеку. Более же всего ей понравились его красиво очерченные губы и длинные тонкие пальцы. На них она обратила внимание сразу же, как только он вошел. Однако поведение его оказалось столь надменным, что Элиза, подавив в себе зародившуюся приязнь к нему, поспешила переменить свое мнение о нем на самое неблагоприятное.

– Ну хорошо, – сказала Анна. – Тогда расскажи мне о герое твоей книги.

– Изволь. Давай сядем. – Элиза указала подруге на двухместное канапе, обитое полосатой тканью, а для себя придвинула такое же кресло. – Итак, слушай. Действие происходит в старые времена. Рыцарь Арман де Трувиль любит даму, которую зовут Армандиной...

– Очень оригинально! – усмехнулась Анна, наморщив нос. – Видно, сочинитель решил не утруждать себя выдумыванием имен.

Элиза нахмурилась.

– Ты находишь? А я думаю, он потому их так назвал, что они две родственные души, которым суждено быть вместе.

Анна глубоко вздохнула.

– Выходит, нам обоим не повезло. Ведь мужских имен, похожих на наши, нет. Так как же мы найдем своих суженых? Вот Йозефине проще: она должна искать Йозефа. А Франц пусть не зевает, ежели встретит какую-нибудь Франциску...

Элиза фыркнула:

– Так ты хочешь знать, что было в книге, или нет?

– Да-да, рассказывай. – Анна свободно откинулась на спинку канапе. Подруги наконец-то остались вдвоем и могли не заботиться об осанке, а сидеть так, как удобно. – Мне отец не позволяет читать таких романов. Говорит, они смущают девичьи умы.

– Мой думает так же. Поэтому мне приходится проносить эти книги в дом контрабандным манером при помощи служанки, – призналась Элиза.

– Так ты читаешь их тайно? И маменька с папенькой не замечают?

Элиза покачала головой.

– Помимо романа я всегда пролистываю еще что-нибудь, что родители одобряют. На тот случай, если они спросят меня о моем чтении.

– Стало быть, ты читаешь две книги одновременно?! А мне, как правило, и одной-то много... Ну да нынешним ле-

том нам обеим будет не до того. Ведь мы начнем каждый день бывать в свете, на балах и вечерах! А может, кто-нибудь и маскарад устроит?

Отдавшись мечтам о предстоящих увеселениях, Анна вскочила, раскинула руки и закружилась.

– Постой! – воскликнула Элиза, подбегая к роялю, который был еще раскрыт после утреннего занятия.

Она села и заиграла веселый вальс по нотам, оставленным на пюпитре. Ее пальцы танцевали по клавишам, а смеющаяся Анна порхала по салону, пока наконец не остановилась возле инструмента, держась за бок.

– Премиленькая вещица! – с трудом проговорила запыхавшаяся танцорка. – Я ее прежде не слыхала!

– Это новый венский вальс Йозефа Ланнера, – отвечала Элиза. – Тетя Берта была недавно в Вене и купила для меня ноты.

– Но ведь она приехала сюда только вчера! Выходит, ты разучила эту пьесу всего лишь за один день?

– Тетя приехала позавчера, а пьеса несложная.

– Просто ты талантливая музыкантша. Хотела бы я тоже так играть.

Анна наклонилась и, заглянув в ноты через плечо подружки, покачала головой. Элиза рассмеялась.

– Просто я музицирую каждый день. Зимой в нашем замке нечего делать. Только читай себе да играй. Если бы ты упражнялась столько же, тебе бы тоже было легко.

– А есть у тебя еще что-нибудь?

Баронесса фон Лаутербах привезла племяннице целый ворох нот. Элиза подошла к столику, на котором они лежали, и стала их перебирать.

– Даже и не знаю... Многих пьес я еще не играла и не могу судить, понравятся ли они тебе. Впрочем, кажется, было что-то... Да, вот галоп! Это как раз в твоём вкусе.

– Ну, поскакали! – засмеялась Анна.

Элиза вернулась за рояль, мягко взяла первый аккорд и, дождавшись, пока подруга примет позу в дальнем конце салона, заиграла.

Анна и впрямь любила этот быстрый легкий танец. Что может быть веселее и проще, чем, подпрыгивая, двигаться приставными шагами сначала в одну сторону, потом в другую! Только если на балах это полагалось делать с кавалером, стоя в длинном ряду пар, то теперь вся зала была отдана одной танцорке.

Вдоволь напрыгавшись, запыхавшаяся Анна упала на канапе. Элиза сделала глиссандо и поднялась из-за рояля.

– Не хочешь ли теперь поменяться со мною ролями?

– Чтобы я играла? Да я быстрее свяжу для тебя ажурную шаль, причем самым тоненьким крючком, нежели сумею пробренчать на фортепьяно какую-нибудь простенькую песенку.

Элиза громко расхохоталась.

– Шаль твоей работы у меня уже есть. Яркая, с цветами

по краю. Я очень ее люблю. Ну а теперь идем в мою спальню, я прочту тебе одно место из моего рыцарского романа. Он спрятан у меня в туалетном столике. Вот увидишь: сцена первого свидания влюбленных в самом деле очень волнующая.

– Хорошо, только дай мне отдышаться, – возразила Анна, обмахиваясь ладонью.

Элиза, кивнув, остановилась посреди салона и стала ждать, когда подруга отдохнет. Вдруг за закрытой дверью слышались шаги и мужские голоса.

– Тс! Кажется, брат и его друг вернулись!

– О нет! А вдруг они сюда войдут? – воскликнула Анна и, выпрямив спину, принялась поправлять локоны над ушами.

– Ну так идем скорее в мою комнату. Если Франц с приятелем встретятся нам на лестнице, мы только пожелаем им доброго дня и сразу же поднимемся ко мне, – предложила Элиза, но в этот момент дверь салона отворилась, и молодой граф фон Фрайберг заглянул внутрь.

– Элиза? Я не знал, что ты... Анна!

Франц, очевидно, не ожидал застать барышень дома. Он полагал, будто они обе отправились с родителями к бювету.

– Вы уже вернулись? – задала Элиза вопрос, не требующий ответа.

– Да, из-за дождя. Теперь нам нужно согреться.

Барышни поглядели на стеклянную дверь, ведущую в сад. Как странно! За пением и танцами они не заметили, что по-

года переменилась. Франц стоял совсем мокрый, даже с волос, которые должна была бы покрывать шляпа, стекала вода. Вероятно, он опять отправился на прогулку с непокрытой головой.

Филипп фон Хоэнхорн, стоявший чуть позади, промок не меньше. Волосы падали ему на лицо черными блестящими прядями. Элизу вдруг бросило в жар. Оказаться в одной комнате с почти незнакомым мужчиной, чей туалет в таком беспорядке, – в этом ощущалось нечто не совсем пристойное. Сглотнув, она заставила себя отвести глаза и лишь тогда, опомнившись, сказала брату:

– Не будешь ли ты столь любезен познакомить Анну со своим гостем?

– Само собой.

Франц сделал шаг в сторону, открывая друга взорам барышень. Анна подошла ближе. Лицо ее выражало внимательное ожидание, однако Элиза заметила, что она с трудом подавляет улыбку: ей тоже непривычно было видеть мужчин, промокших до нитки.

– Анна, позволь рекомендовать тебе барона фон Хоэнхорна. Этим летом он будет нашим гостем, – промолвил Франц, указывая на своего друга. – Филипп, разреши представить тебе нашу кузину и лучшую подругу Элизы баронессу Анну фон Креберн.

– Рад знакомству, баронесса, – учтиво произнес Филипп и поклонился.

– Я тоже рада, барон, – ответила Анна, хватая Элизу за руку. – К сожалению, мы должны...

Продолжения этой фразы молодые люди не слышали. Молодая графиня поспешила увести приятельницу прочь, почуяв опасность: секунда промедления – и с Анной мог случиться приступ самого неучтливового смеха, как уже не раз бывало прежде. Сообщив своим движениям подобие той чинной элегантности, которая приличествует благовоспитанным барышням, подруги покинули музыкальный салон и, успев, по счастью, удалиться на достаточное расстояние, разразились громким смехом.

Глава 4

Франц открыл стеклянную дверцу изящного углового буфета и, достав графин коньяку, щедро наполнил два бокала.

– Вот. Выпей. Это согревает, – сказал он Филиппу.

– Спасибо, но думаю, что сухая одежда была бы сейчас еще полезней. Мне следовало бы поскорее подняться...

– Ах, да брось ты! Нельзя же всегда вести себя разумно, мой друг!

Филипп приподнял брови. «Всегда» и «разумно» были отнюдь не те слова, которые первым делом приходили ему на ум при мысли о Франце фон Фрайберге. Этот весельчак, душа студенческих сборищ, являл собой безукоризненный образец легкомыслия. Давеча, к примеру, он загнал своего коня на такую кручу, с которой лишь по счастливой случайности смог потом спуститься, не разбившись.

А после совершенно неожиданно хлынул дождь. Франц объяснил удивленному Филиппу: такие перемены погоды не редки. Западный ветер может в считанные секунды принести тучи со стороны Вогезских гор, что теперь и произошло. Так вот, вместо того чтобы переждать непогоду в придорожной гостинице или в какой-нибудь деревушке, Франц настоял на безотлагательном возвращении домой, и оба всадника вымокли до нитки. Однако эта ошибка была бы менее досадной, если бы молодому графу не вздумалось в столь неподо-

бающем виде заявиться в музыкальный салон, где, как оказалось, сидели две барышни.

К счастью, сцена вышла не такой неловкой, какой могла бы быть. После вежливого обмена приветствиями Элиза и ее подруга благоразумно поспешили покинуть комнату, чтобы... А в самом деле, для чего? Что делают молоденькие девушки, когда остаются наедине друг с другом? Вышивают, болтая о погоде? Или о новейших фасонах платьев? А может быть, играют в шарики, как маленькие кузины Филиппа? Или в карты? Для кукол они, пожалуй, уже слишком взрослые.

– О чем задумался? – спросил Франц.

Филипп не ответил.

– Превосходный коньяк, – сказал он, сделав большой глоток, и поставил опустошенный бокал на столик около буфета.

– Да, я тоже нахожу, что отец не зря сменил продавца.

– Кстати, теперь мне все же надо переодеться, чтобы привести себя в надлежащий вид к возвращению твоих родителей.

– Ах, они вернутся еще не скоро и сперва непременно пришлют кого-нибудь за каретой, которая их заберет, – ответил Франц и, повертев бокал в руке, полюбовался янтарным напитком, прежде чем с наслаждением влить в себя последний глоток.

– А до тех пор прикажешь мне сидеть здесь и мерзнуть в

мокром костюме для верховой езды?

Франц рассмеялся:

– Какая глупость!

– Именно что глупость.

– Ну хорошо. Давай поднимемся в наши комнаты. Нужна ли тебе помощь? Могу прислать кого-нибудь из слуг.

– Нет, благодарю. Я вполне способен одеться и раздеться сам.

– Как тебе угодно. В таком случае встретимся в отцовской гостиной. Знаешь, где это?

Филипп кивнул:

– Я недурно ориентируюсь в пространстве.

– Вот и прекрасно. В той комнате мы будем защищены от вторжения барышень. Отец запретил им туда входить, потому что захотел иметь хотя бы одно тихое место в доме, – пояснил Франц, смеясь. – Впрочем, Элиза, я надеюсь, уже бросила привычку повсюду играть в прятки со своей подругой.

Филипп тоже понадеялся на это. «Такая детская забава была бы не к лицу debutанткам, – подумал он. – Не хватало еще, чтобы молодая графиня, эта серьезная девица с нахмуренным лбом, притаилась за занавеской в отведенной мне комнате!»

С такими мыслями гость отправился переодеваться. Франц хотел поселить его по соседству с собой, в спальне брата Юлиуса, но Филипп не был членом семьи и потому считал это не вполне уместным. Он попросил, чтобы его поме-

стили не на том этаже, где находились опочивальни хозяев, а выше, в одной из гостевых комнат. Не такая просторная, как покои Юлиуса, она тем не менее поражала богатством отделки. Кровать была широка и удобна, а из двух окон открывался превосходный вид на зеленый сад. В этой комнате гость мог спокойно насладиться уединенным отдыхом или же заняться своей корреспонденцией, расположившись за бюро.

Филипп обещал овдовевшей матери, что будет писать ей не реже чем дважды в неделю, сообщая все подробности курортной жизни. Имея на своем попечении двух младших сыновей, Грегора и Лео, да еще болезненную сестру, бедная женщина не могла позволить себе никаких развлечений, и переписка с Филиппом была единственным, что сулило ей радость.

Он решил, не откладывая, набросать кое-какие заметки о прогулке под дождем, с тем чтобы вечером, после ужина, сделать из них настоящее письмо. Материала уже набралось немало. Начать следовало с первых впечатлений от знакомства с хозяевами дворца: очаровательной графиней, суровым графом, чьи мысли всегда витали где-то далеко, его энергичной сестрой и тремя дочерьми, самой скучной из которых предстояло впервые выйти в свет в этом сезоне. Ну и, конечно, Филипп не мог не уделить нескольких строк своему веселому другу. Тот тем временем наверняка уже вынашивал в уме какую-нибудь новую затею.

Глава 5

– А он в самом деле видный мужчина – этот барон фон Хоэнхорн, – вздохнула Анна, сидя на кровати подруги. – Рыцарь Арман мог бы иметь такую наружность. Счастливая ты, дорогая Элиза!

– В чем же мое счастье?

Молодая графиня приложила к себе новое платье из нежно-розового шелка и погляделась в большое зеркало, недавно поставленное в углу комнаты.

– У тебя есть два старших брата, а у них приятели. Тебе легче знакомиться с молодыми мужчинами, чем мне.

Элиза расправила подол, доходящий до щиколоток, и снова оценивающе посмотрела в зеркало.

– Так и у тебя два старших брата, – возразила она. – И две старшие сестры.

– Да, но они давно обзавелись собственными семьями и стали ужасно скучны. Неужто и мы сделаемся такими, когда выйдем замуж?

– Возможно. Девочки возраста Амели и Йозефины уже находят нас, взрослых барышень, не самой веселой компанией для себя. Недавно Йози бросила мне: «Как с тобой неинтересно!» – а ведь я всего-навсего не захотела играть с ней

в мельницу³.

– Неужели? – удивилась Анна.

Элиза пожалала плечами, уронив платье.

– Как, по-твоему? К лицу мне этот цвет? *Maman* очень его любит, но я не уверена, что для меня он хорош. Я, пожалуй, пошла скорее в родных отца. Боюсь, этот оттенок розового слегка желтит мою кожу.

– Нет-нет, платье изумительное. Розочки по вырезу – просто прелесть! – ответила Анна и, хихикнув, прибавила: – Однако декольте глубокое!

Элиза удовлетворенно кивнула.

– Мужчинам надо иногда хоть что-нибудь показывать. Так и портниха на примерке сказала.

– Надень его и пройдишь перед вашим гостем-бароном. Проверишь, как оно действует.

– Если хочешь, могу одолжить тебе для этого эксперимента и платье, и барона, – предложила Элиза.

Анна вздохнула.

– Мне твое платье нечем наполнить.

Элиза рассмеялась. Подруга действительно была на добрых полголовы ее ниже и отличалась хрупкостью телосложения.

– Тогда мы найдем себе другое занятие. Пока дождь не

---

³ Мельница – настольная игра для двух человек, в которой используются круглые черные и белые фишки и доска с рисунком в виде трех вписанных друг в друга квадратов. Побеждает тот, кому удастся выстроить три фишки одного цвета в один ряд.

перестанет, придется сидеть дома, а потому идем в библиотеку и поиграем в заглавия.

Анна охотно согласилась. Подруги направились в комнату, именуемую библиотекой – по мнению Элизы, несколько преувеличенно (помещение было, на ее взгляд, недостаточно велико), но все же не без оснований: полки с книгами занимали три стены от пола до потолка. В углу стояли два кресла времен Людовика XV, обтянутые слегка протершейся тканью с вышивкой пти-пуэн, и такие же скамеечки для ног. Перед окном помещалась деревянная скамейка, а широкий подоконник мог служить столом.

– Кто начнет? – спросила Анна.

– Тот, кто первым найдет что-нибудь на «П».

Барышни поспешно выбрали себе по одной полке и стали искать.

– Нашла! – воскликнула Анна. – «Проповеди о христианском домостроении» Фридриха Шляйермахера!

Элиза усмехнулась.

– Проповеди? Ну что ж, давай. Проповедуй!

Подруги придумали эту забаву два года назад, таким же дождливым днем. Суть игры заключалась в том, чтобы, взяв первую попавшуюся незнакомую книгу, дать волю своему воображению и предположить, о чем в ней говорится.

Анна задумалась.

– Ну хорошо, – сказала она наконец. Встала, чинно выпрямившись, посреди библиотеки, прижала к груди том про-

поведей, как если бы это была Библия, и пробасила: – Возлюбленные чада мои! Да будет вам известно, что домоустройство непременно должно быть христианским, ибо только на дом, устроенный по-христиански, нисходит благодать, а без благодати... *Parbleu!*⁴ Не умею я проповедовать! Тем более о таком предмете. Христианское домоустройство – оно и есть христианское домоустройство. Много ли о нем скажешь?

Элиза упала в кресло.

– Вижу, по воскресеньям ты слушаешь священника не более внимательно, чем я.

– Надо полагать. Он говорит всегда только о грехе, о каре небесной да о чистилище. Ежели воспринимать это всерьез, то и жить не захочется. Теперь твоя очередь. Давай на «К».

Элиза вскочила, и ее взгляд забегал по книжным корешкам.

– Вот! Ричардсон «Кларисса, или История молодой леди»!

– Звучит любопытно, – одобрила Анна. – Ну и как ты думаешь, что в этой книге происходит?

– Ах, это очень просто. История трагическая. Дурной человек хочет соблазнить девушку. Он обманом увозит ее из дома, дает ей снадобье, чтобы она забылась, а затем силой овладевает ею. – Анна, придя в ужас, вытаращила глаза, но Элиза невозмутимо продолжила: – Злодей готов жениться на Клариссе, но она бежит от него. Из страха за свою добродетель, которой она не утратила вопреки тому, что с ней слу-

---

⁴ Ей-богу! (*фр.*)

чилось, несчастная заболевает и умирает с мыслями о лучшей жизни. А ее преследователь погибает на дуэли.

Элиза завершила свой рассказ взмахом руки и поклоном.

– Какой кошмар! – ахнула Анна. – И как тебе удалось такое выдумать?

– Я ничего не выдумывала, – призналась Элиза, снова усаживаясь в кресло. – Я прочла эту книгу прошлым летом, а сейчас пересказала ее тебе очень кратко. На самом-то деле там чего только не произошло! Роман предлинный и весь состоит из писем.

– Он тебе понравился? – произнесла Анна скептически.

Элиза задумчиво покачала головой.

– И да, и нет. Сюжет очень увлекательный, но финал я нахожу несправедливым. Зачем Клариссе умирать, если она не сделала ничего дурного? Так не должно быть! Я предпочитаю книги со счастливым концом. С другой стороны, эта история учит девушек не бегать из дому с первым встречным. – Нахмутив лоб, Элиза прибавила: – Книга, между прочим, уже стара, и действие происходит в Англии. Сегодня ни одна из нас не поверила бы такому проходимцу и не позволила бы ему причинить ей такие страдания.

– Само собой, – согласилась Анна. – Ну что, поиграем еще? Только больше не бери тех книг, которые знаешь.

– Не буду. Теперь давай ты. На «Л».

– Нашла! «Любовные...» Сложно разобрать: книжонка совсем тоненькая. – Анна с трудом достала с полки брошю-

ру, зажатую между двумя толстыми томами. – Вот: «Любовные клятвы. Стихотворения»! – Она торжествующе протянула книжечку Элизе и начала рифмовать:

«Мой любимый, я твоя!

На дворе визжит свинья». —

«Но, быть может, это гусь?» —

«Нет, нет, нет! Свинья! Клянусь!»

Элиза зашлась звонким смехом. Книжонка, которую она держала, выпала из ее рук и очутилась на полу. При этом одна из страниц отделилась от остальных.

– Какая ты неосторожная! – укоризненно произнесла Анна, подбирая листок, отлетевший на середину комнаты.

– Это не моя вина, – возразила Элиза. – Страница наверняка была уже оторвана. Дай-ка взглянуть... Послушай, да ведь это вовсе и не страница книги!

– А что же? – полюбопытствовала Анна.

– Письмо. Или часть письма. Конец. Начало, надо полагать, тоже где-то здесь. Давай-ка поищем.

Подруги пролистали книжонку и даже встряхнули ее, перевернув, чтобы все, что было вложено между страницами, выпало. Однако найти больше ничего не удалось.

– Тогда прочтем хотя бы это, – прошептала Элиза. – Слушай:

...с мечтою о твоих поцелуях прижимаюсь горячими

губами к ледяному оконному стеклу, сиюсь охладить страсть, владеющую мной. О, как бы я хотела бежать к тебе! Сие, увы, невозможно, *тон атоир*⁵, но сердцем я всегда с тобой. Ночью, едва я закрою глаза, мне снятся наши тайные свидания.

– Тайные свидания? – лукаво усмехнулась Анна. – Переписка обещает быть увлекательной!

– Слушай дальше, – возразила Элиза и продолжила:
Возвращайся скорее. Мы найдем способ уединиться. Я знаю место, где нам никто не помешает. Предчувствую, как твои губы тронут мою шею, грудь и маленькую родинку на бедре, а потом ты... Я томлюсь в ожидании минуты, когда твое горячее дыхание коснется всего того, что я так ревностно оберегаю от чужого взгляда. Живу надеждой на твои поцелуи.

В последние дни выпало много снегу, и все непрестанно сетуют на холод. Но я знаю: близится весна, и солнце скоро растопит лед, как огонь нашей страсти некогда растопил твою внешнюю холодность.

Возвращайся, тон атоир! Возвращайся скорее!
Тебя ждет твоя

*Minou*⁶

---

⁵ Моя любовь (фр.).

⁶ Кошечка (фр.).

– Мину? Ты знаешь, кто она? – спросила Анна.

– Нет. Возможно, это ласковое прозвище, – предположила Элиза. – Но слушай: есть еще постскрипtum:

Р. S. Моя кошечка ужасно стосковалась по твоим нежным рукам и по твоему...

– Чему? – в недоумении произнесла Анна.

Элиза посмотрела в ее широко раскрытые глаза.

– Не знаю. Может быть, поцелую? Не могу разобрать: здесь буквы расплылись.

– Дай-ка посмотреть. Гм... И правда, прочитать невозможно. Может быть, на это место упала слеза? Слеза любовной тоски? – Анна вздохнула. – Кто же все-таки написал эти строки? Откуда у вас эта книжечка, из которой выпало письмо?

– Трудно сказать. Часть библиотеки перешла к нам во владение десять лет назад вместе с домом. К тому же тетя Берта часто оставляет у нас те книги, которые уже прочла. Да еще *rara* велел переслать сюда кое-что из нашего замка. Многое привез Юлиус, но он, сколько мне известно, стихов не читает.

– Гляди-ка: бумага по краям слегка пожелтела. Почерк красивый, однако старомодный. Быть может, этот листок пролежал здесь с полвека, и Мину уже давно умерла, как и ее возлюбленный?

– Свиделись ли они?

– И что с ними стало?

– Ясно одно: Мину любила его всем сердцем, – заключила Элиза со вздохом. – И... э... Я думаю, их любовь не была целомудренной.

Анна тихонько усмехнулась и перечла:

– *Твое горячее дыхание коснется всего того, что я так ревностно оберегаю от чужого взгляда...* Непохоже, чтобы они были одеты.

Элиза плотно сжала губы, силясь прогнать от себя те образы, которые вдруг возникли в ее уме, а Анна между тем продолжала:

– *«Твои губы тронут мою шею, грудь и маленькую родинку на бедре...»* Вообрази, каково это – ощущать такое?

– Горячо, – вдруг вырвалось у Элизы: от одной мысли о подобной близости с мужчиной ее обдало жаром. – Горячо внутри, даже когда снаружи зимний холод. Я думаю, это чудесное чувство.

– А что, если получателем этого письма был твой отец в молодые годы?

– Ну скажешь тоже, Анна! Отдай! – воскликнула Элиза, забирая у подруги листок.

Разумеется, столь пылкие строки не могли быть адресованы *рара*, ведь он такой серьезный и строгий. Какое нелепое предположение!

– Если возлюбленный этой Мину не твой отец, то, веро-

ятно, он бывший владелец этого дома, – продолжала Анна. – Тебе что-нибудь известно о бывших хозяевах?

– Нет.

– Ах, да не будь же такой!

– Какой такой?

– Сердитой.

– Я вовсе не сержусь, – отвечала Элиза. – Я размышляю. Видишь ли, я уже давно подумываю о том, чтобы самой написать роман, и надеялась найти здесь, в Бадене, время и вдохновение, необходимое для сочинительства. Мне кажется, что это письмо не случайно попало ко мне в руки. Это знак. Как, по-твоему, не сделать ли мне Мину героиней моего романа? Я использую подлинные ее слова, чтобы они задали книге тон и придали достоверность. Повествование будет полностью состоять из писем. Выйдет история большой любви, рассказанная самими действующими лицами, из которых каждый смотрел на нее по-своему...

– Элиза! Как славно ты это придумала! – воскликнула Анна чуть не с благоговением. – Напиши, непременно напиши! Ты всегда прекрасно умела сочинять!

Элиза улыбнулась. Письмо незнакомки глубоко и странно взволновало ее. Она задышала чаще, почувствовав, что томление, заключенное в нем, передалось и ей.

– Только никто не должен об этом знать, – потребовала она.

– Как можно! Будь покойна!

Элиза бережно сложила листок и спрятала его в карман, а ее подруга вернула книжицу, из которой он выпал, на полку.

– Не забудь написать про кошечку, – сказала Анна.

– Конечно, не забуду. Это очень трогательно, что в письме к любимому Мину упоминает о чувствах домашнего животного.

Анна поглядела в окно.

– Кажется, дождь перестал. Пойду-ка я домой. Оставлю тебя наедине с твоей музой.

– Ты словно бы читаешь мои мысли, – промолвила Элиза с улыбкой. – Спасибо.

– Признаться, я не вполне бескорытна. Мне не терпится поскорее прочесть то, что ты напишешь. Надеюсь, конец будет счастливым?

– Всенепременно! Однако путь к счастью не будет легким для влюбленных.

Анна широко улыбнулась и удовлетворенно вздохнула.

Глава 6

– Прошу нас извинить, *татап*, – сказал Франц за ужином, – но мы с моим другом покинем вас на этот вечер. Я хочу показать ему достопримечательности города.

Графиня фон Фрайберг неодобрительно приподняла брови, ничего не ответив. Если бы не присутствие гостя, она не была бы столь снисходительна. После недавней историйки с дочкой сторожа Франц впал у родителей в немилость, хотя девушка сама выказала ему явную благосклонность и дальше нескольких поцелуев дело не зашло. Едва он успел опустить руку в вырез платья белокурой Магдалены, дабы исследовать женственные очертания ее тела, во двор, как на грех, вошла мать прелестницы.

– И куда же, позволь спросить, ты меня ведешь?

Вопрос Филиппа прервал воспоминания Франца. Друзья шли в город пешком: расстояние было невелико, а воздух после дождя сделался чист и свеж.

– В гостиницу «Лис». Полагаю, тебе, как и мне, не мешает изредка дать себе свободу от светских условностей. В этом заведении подают отличное пиво и простую, но вкусную еду. Там нам будет уютнее, чем в салоне моей матушки.

– Вполне возможно, – дипломатично согласился гость.

Франц рассмеялся. Славный старина Филипп! Всегда и во всем безукоризненный джентльмен! О себе молодой граф

фон Фрайберг не мог сказать того же. Впрочем, возможно, именно благодаря несходству характеров они так хорошо понимали друг друга.

— Со мной ты можешь говорить открыто, ведь мы давние приятели, — заметил Франц.

— Я гость вашего дома, и это, разумеется, обязывает меня...

— Брось! — Франц мотнул головою. — Твоя первейшая обязанность — веселиться вместе со мной. Вперед!

Гостиница «Лис» находилась у крепостной стены, с внутренней ее стороны, в том месте, где стояли Бойернские ворота, снесенные несколько лет назад для облегчения въезда в город. В Средние века ворот было четверо, теперь же остались только одни, Верхние. Но и им, и самой стене тоже предстояло рано или поздно исчезнуть. С тех пор как новоиспеченный великий герцог сделал Баден своей резиденцией, здесь непрерывно что-нибудь строилось и перестраивалось в угоду гостям, которых становилось все больше. Кто из людей с положением не захочет провести лето вблизи Леопольда и его приближенных в курортном городе, где имеется, кроме всего прочего, еще и игорный дом?

Войдя в гостиницу, Франц с улыбкой приветствовал хозяйку, стоявшую за прилавком, и тут же заказал пару кружек пива. От старых стен и толстых потолочных балок этого заведения веяло простотой и уютом, очаровавшими, как было видно, и Филиппа. За большим круглым столом в углу сиде-

ли плотники в цеховых нарядах, а чуть поодаль беседовали друг с другом, попыхивая трубками, двое солидных пожилых господ.

Франц выбрал маленький столик у дальней стены, за которым в минувшем году не раз сживал с братом. Здесь их никто не беспокоил, притом что сами они могли видеть все происходящее в зале. Свеженацеженное пиво было тотчас принесено и не разочаровало Франца: вкус оказался тот самый, о котором он с таким наслаждением вспоминал.

– Ну и как тебе здесь нравится? – спросил он друга. – То есть не в «Лисе», конечно, а в городе. Каково твое первоначальное впечатление?

Филипп откинулся на спинку стула и улыбнулся.

– Трудно сказать. Города я еще толком не видел. Мы ведь только взглянули на него с горы незадолго до того, как начался дождь.

– Завтра мы это поправим. Пойдем, как полагается, к бювету за Коллегиальной церковью. Будем пить горячую воду – пренеприятную на вкус, однако весьма полезную – и смотреть на дам, занятых тем же. Потом я покажу тебе курзал, где вечерами устраиваются балы. Жаль, что ты не играешь. Мы могли бы заглянуть в тамошнее казино и испытать наше счастье...

– Франц, ты ведь знаешь...

– Да-да.

Несколько лет назад дядя Филиппа проигрался в двадцать

одно и покончил с собой. Тогда молодой барон поклялся держаться в стороне от азартных игр, о чем Франц не мог не жалеть, ибо находил, что посещать игорные дома одному не так весело, как в компании. Однако он уважал решение друга. «Я найду, с кем разделить эту радость баденской жизни. И прочие радости тоже», – подумал он, а вслух произнес:

– Надеюсь, ты не станешь возражать, если я...

– Конечно же нет. Ведь мы с тобой не сиамские близнецы, которым ни на минуту нельзя разлучиться. И ты не обязан меня развлекать. Я в состоянии сам о себе позаботиться, – промолвил Филипп и, сделав большой глоток, стал с интересом оглядывать залу.

Франц улыбнулся.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. Я просто хотел убедиться, что ты не будешь в обиде. Видишь ли, в ближайшее время я, возможно...

Он многозначительно поднял брови. Друг должен был его понять.

– Что ты задумал? – спросил тот настороженно.

– Я собирался кое-кого навестить.

Филипп усмехнулся:

– Новая интрижка? Уже?

– И вовсе даже не новая. Я знаю Эмми с прошлого лета.

– Эмми? Так-так... Смотри не попадись, как с Магдаленой.

– Тут совсем другое дело, – отвечал Франц с блаженной

улыбкой. – Эмми – вдова и охотно принимает меня при соблюдении некоторых предосторожностей. Вдовья жизнь не сахар. Для женщины, которая потеряла мужа, а нового искать не намерена, ночи бывают длинны и холодны.

– Это летом-то? Сомневаюсь, – возразил Филипп, скептически глядя на друга. – Так или иначе, ты, по-видимому, решил сделаться благодетелем старой дамы?

– А кто тебе сказал, что она стара? Эмми не старше нас, хотя и успела овдоветь.

– Да неужели? – притворно удивился Филипп.

– Между прочим, я мог бы узнать, нет ли у нее подруги, которая тоже вдовеет, – предложил Франц.

Филипп, смеясь, покачал головой.

– Поверь мне, до сих пор я сам благополучно находил себе таких вдовушек.

– А может быть, ты, вместо того чтобы весело проводить время, уже обзавелся невестой с положением? – продолжал любопытствовать Франц.

«С тебя станется, – подумалось ему. – Ты малый серьезный и целеустремленный. В долгий ящик ничего не откладываешь. Хорошее место, которое ты наверняка скоро получишь, позволит тебе содержать семью».

– Вот уж нет, друг мой, – возразил Филипп. – На сей счет ты можешь быть спокоен. Я не намерен так рано взваливать на себя иго супружества. Мне хочется еще пожить в свое удовольствие.

– Ха! – воскликнул Франц с удивлением. – Недавно Элиза сказала в точности то же самое!

– Твоя сестра?

– Да. Отец стремится выдать ее замуж как можно раньше и как можно выгоднее, а она говорит: «Сперва я хочу пожить в свое удовольствие». Полагаю, под удовольствием она подразумевает танцы и кокетливую болтовню. Ха-ха! О чем еще может знать барышня? Кстати, что ты о ней думаешь?

Этот вопрос застал Филиппа врасплох. Он растерянно поглядел на друга поверх краев кружки, которую поднес было к губам, чтобы сделать глоток.

– А что я могу думать о ней? Она... э-э... Милая барышня.

– Восторга в твоих словах не слышно.

Филипп поставил кружку на стол.

– Разве я непременно должен быть в восторге от твоей сестры? Прости, но столь юные, даже еще не вполне взрослые дамы – не то общество, к которому я привык.

– Пока не привык, так скоро привыкнешь, – засмеялся Франц. – На балах и концертах вокруг нас будут роиться целые толпы таких созданий. Тебе придется даже танцевать с ними. Поверь, в этом нет ничего неприятного.

– Не говори со мной так, будто думаешь, что я ни разу не касался женщины.

– Как можно! Ты времени зря не теряешь – в этом я уверен. Однако благородные девицы, приезжающие летом на

воды, — статья особая. — Франц поджал губы и тоненько пропищал: — О, благодарю вас, сударь! А я и не заметила, как потеряла этот платочек. — Он часто заморгал и тем же голосом прибавил: — Не изволите ли теперь на мне жениться?

Филипп от души расхохотался.

— Если так, то я буду осторожен.

— Это и есть мой тебе совет, — кивнул Франц. — Ну? По второй кружке? И может быть, спросим себе чего-нибудь по-есть?

— Почему бы и нет? До ночи еще далеко.

* * *

Прежде чем ночь успела наступить, Филипп решил идти домой. Франц не возражал: ему самому нельзя было явиться к Эмми слишком поздно. Она могла лечь спать и не услышать тихого стука в деревянный ставень.

Перед гостиницей «Лис» друзья попрощались.

— Спасибо, что понимаешь меня, дружище, — сказал Франц.

Филипп только подмигнул ему, улыбнулся и зашагал в направлении летнего дворца фон Фрайбергов.

Несколькими минутами позже Франц вошел во двор маленького домика. Покойный супруг Эмми держал здесь столлярную мастерскую вместе со своим братом. Так как дело не перешло в чужие руки, вдова не была вынуждена искать себе

новое жильё.

Двор не освещался. Что-то царапнуло Франца по ноге. «Надеюсь, это одна из кошек, которых Эмми кормит. Только бы не крыса!» – подумал он и стал осторожно пробираться вдоль стены. Вот его рука нащупала ставень. Он прислушался. Все было тихо, и даже слабый свет не пробивался между досками. Неужели Эмми уже уснула?

«Тук. Тук. Тук. Тук-тук», – тихо постучал Франц и, подождав немного, повторил сигнал – теперь чуть громче. Снова ничего. Быть может, Эмми не получила письма, которое он отправил ей по приезду в Баден? Что, если она переехала на другую квартиру? Впрочем, нет, об этом она написала бы ему в Гейдельберг. Там он мог свободно переписываться с кем пожелает – не то что в замке у родителей.

– Так и будешь стоять в темноте до утра или все же войдешь? – спросил вдруг женский голос.

Только теперь Франц заметил чуть поодаль открывшуюся дверцу и силуэт, чернеющий в тусклом свете. В мгновение ока он приблизился, скользнул в дом и, лишь только дверь затворилась, обнял свою подругу. На ней была только тонкая бумажная рубашка, сквозь которую ощущалась зазывная мягкость ее теплого тела. Губы Франца нашли губы Эмми, а его ладони принялись ощупывать все то, о чем он с таким удовольствием думал, находясь в Гейдельберге.

Ответив на поцелуй, Эмми крепко обхватила Франца обеими руками, прижалась к нему и тихо застонала.

– Идем! – скомандовала она, внезапно выпустив его.

Он проследовал за ней в спальню, на широкую добротную кровать. Столяр трудился на совесть, изготавливая супружеское ложе для себя и для своей жены, которая вот уже два года спала здесь одна. За исключением тех летних ночей, когда ее посещал молодой граф.

В комнате горела всего одна тусклая свеча, но Францу не нужно было видеть Эмми. Он чувствовал ее красоту.

– Я скучал по тебе, – прошептал он.

Она торопливо помогла ему освободиться от одежды, после чего сама скинула рубашку через голову и, представ перед ним нагой, требовательно произнесла:

– Не говори ничего. Покажи мне, как ты скучал.

Не заставив себя упрашивать, Франц уложил Эмми на спину и принялся с наслаждением ласкать руками и губами. Он целовал ямочки под ее ушами, шею, плечи, груди. Грудь Эмми были чудо как хороши. Прочувствовав ладонями их упругую округлость, Франц прихватил губами сосок – соблазнительную бусинку в нежно-розовом ореоле. Тронул языком и легонько потянул. Эмми вздохнула. Ее опытная рука нашла и погладила его твердый член.

– Не пойму, чего ты ждешь, – сказала она. – Ты ведь уже готов.

Да, он был готов. И если она не хотела медлить...

Эмми издала возглас удовлетворения, когда Франц с легкостью в нее вошел. Она подалась к нему бедрами, и он обеи-

ми ладонями схватил ее за ягодицы. Ему хватило трех толчков, чтобы поймать ритм. Их тела казались выточенными друг для друга.

Вскоре Франц услышал высокий звук, свидетельствовавший о том, что Эмми близка к вершине блаженства. Хорошо. Сдерживать себя было не нужно. Вот почему молодой граф так любил опытных женщин, стоявших ниже его по рождению, однако вполне способных разделять с ним радости постельных утех.

Сейчас... Да!

Глава 7

– До чего же ты хороша, Элиза! – воскликнула Йозефина. – А ну-ка покружись!

Амели энергически закивала, присоединяясь к этой просьбе. Элиза улыбнулась, сделала изящный реверанс и медленно повернулась несколько раз вокруг своей оси, чтобы девочки могли полюбоваться ее первым бальным платьем.

Одевание и причесывание длилось несколько часов. Так, во всяком случае, ей показалось. Как бы то ни было, ловкие руки маменькиной горничной сделали из дебютантки настоящую даму. Нежно-бирюзовая материя изумительно шла к ее светло-каштановым волосам. Узор, вышитый серебряной нитью с маленькими жемчужинками, поблескивал сдержанно, но не настолько, чтобы не притягивать взглядов. Декольте было еще глубже, чем у розового платья. Обнаженная кожа ощущала одновременно и холод и жар.

Только бы прическа хорошо держалась! Горничная так долго колдовала над всеми этими косицами и локончиками! Впрочем, *татап* сказала, что дамам будет отведена специальная комната, куда они смогут удаляться не только для удовлетворения естественной потребности, но и затем, чтобы поправить платье или волосы.

– Ты сведешь всех мужчин с ума, – сказала Йозефина и

захихикала.

Элиза бережно натянула белые кружевные перчатки, а затем взяла кружевной веер и раскрыла его, прикрыв лицо.

– Твои глаза кажутся такими темными... Ты воспользовалась какими-то каплями? – предположила Амели.

Элиза покачала головой.

– Нет, белладонны я не капала. Должно быть, это от радостного волнения.

– И кто же тебя взволновал? – полюбопытствовала Йозефина. – Уж не тот ли англичанин, который рекомендовался нам сегодня в бювете и разговаривал с отцом? Он глаз с тебя не сводил. Хи-хи-хи!

Элиза таинственно улыбнулась. Конечно же, она заметила те взгляды, что бросал на нее молодой лорд Дэллингем. Он прямо-таки загорелся, когда узнал о ее сегодняшнем дебюте. Очевидно, ему захотелось танцевать с ней. Пожалуй, ей не следовало опасаться просидеть весь бал у стенки. Франц обещал, что и сам ее пригласит, и даже позаботится о том, чтобы Филипп фон Хоэнхорн последовал его примеру. Прекрасно. Этот гордец не нравился ей, однако чем больше у дамы видных кавалеров, тем лучше для ее популярности.

– Ты готова, дитя мое?

У двери стояла неслышно вошедшая графиня-мать – тоже великолепно одетая и с улыбкой радостного предчувствия на лице.

– Да, *tata*, – ответила Элиза, беря ридикюль.

– Тогда идем. Отец уже ждет. Франц со своим другом поедет во второй карете, чтобы наши платья не примялись от тесноты.

Весело улыбнувшись сестрам на прощание, дебютантка последовала за своей маменькой.

* * *

Бал оказался в точности таким, каким он представлялся Элизе в мечтах: восхитительной красоты зала, роскошные наряды, блеск драгоценностей, превосходный оркестр и не слишком обильный, но изысканный стол с закусками и напитками для подкрепления сил танцующих.

Прежде всего молодая графиня фон Фрайберг была официально представлена великому герцогу Леопольду и великой герцогине Софии. По счастью, здесь, в Бадене, придворный церемониал соблюдался не так строго, как в Карлсруэ. На бале также присутствовала элегантная великая герцогиня Стефания – вдова Карла Баденского и приемная дочь Наполеона, то есть бывшая имперская принцесса. Несколько дней назад она приехала в Баден и расположилась в своем летнем дворце.

Анна и ее родители приехали раньше фон Фрайбергов. Встреча двух семейств была, по обыкновению, сердечной. Филипп фон Хоэнхорн удивил Элизу, сразу же по приезде попросив и ее, и Анну вписать его в их бальные книжки.

Франц последовал примеру друга, чем вызвал на лицах обеих матерей удовлетворенную улыбку.

– Смотри-ка, Элиза! – прошептала Анна спустя совсем немного времени. – К тебе идет какой-то господин. Весь так и сияет! Ты его знаешь?

– Это английский лорд, с которым мы познакомились нынче утром.

– Иностранец? Любопытно! Ах, до чего элегантно он одет!

– Он очень недурно говорит по-немецки и рассказал мне, что остановился здесь проездом, а направляется в Италию и Грецию. У молодых англичан модно совершать *grand tour* по местам, где сохранились памятники античности.

– Как интересно!

Граф Дэллингем подошел, приветствовал семейство фон Фрайбергов и был представлен фон Кребернам. Завязалась оживленная беседа о погоде и баден-баденских красотах. Музыканты между тем уже настраивали инструменты.

– Мне говорили, что летние балы проводятся здесь без больших церемоний, – сказал лорд Дэллингем. – Стало быть, вскоре после того как герцогская чета начнет первый танец, остальные присутствующие также смогут присоединиться? Правильно ли я понял?

– Да-да, все верно, молодой человек, – ответил отец Элизы, и по тому, как он улыбнулся, она увидела, что англичанин ему симпатичен.

Дэллингем с поклоном обратился к ней:

– В таком случае позвольте ангажировать вас, графиня, на первый танец.

– Извольте.

Элиза положила свою ручку, обтянутую перчаткой, на его руку. Они вышли на край большого круга, предназначенного для танцующих, и стали ждать, когда герцогская чета завершит первый тур. Наконец этот момент наступил. Дамы и кавалеры приняли предписанную изящную позу и закружились в вальсе.

Как приятно было плыть по зале, видя кругом себя разноцветное мелькание развевающихся платьев! Впереди шли Анна и Филипп фон Хоэнхорн. Франц танцевал с некоей молодой дамой, чьи белокурые замысловато уложенные волосы были убраны голубыми перышками.

Танцевала ли Мину со своим возлюбленным? Знала ли приятное ощущение мужской руки на своей талии? Не с этого ли началась ее любовь?

Элиза и лорд Дэллингем вступили в последний тур вальса. Англичанин оказался превосходным партнером. Да, в одной из глав романа непременно следовало описать бал!

Юной сочинительнице не терпелось прочесть своей подруге то, что она успела написать сегодня рано утром и после прогулки к бювету. Ей самой эта проба пера доставила величайшее наслаждение. Проникнуть в душу страстно любящей женщины и начать жить ее жизнью – это было подобно чуду.

Нежные мысли о любимом.

Волнующие воспоминания о тайных встречах.

Сладострастные мечты о поцелуях и ласках.

Узнать бы, каково это, когда...

Танцующим парам было довольно тесно. Кто-то нечаянно толкнул Элизу, налетев на нее со спины.

– *Pardon*, – произнес лорд Дэллингем и, крепче обхватив стан своей дамы, замедлил вращение, чтобы она могла восстановить равновесие.

«Он в самом деле приятный человек и превосходный танцор, – подумала Элиза. – К тому же недурен собой. Уж не влюбиться ли мне в него?»

* * *

Друг Франца тоже танцевал отлично, но с ним Элиза не ощущала того приятного спокойствия, которое чувствовала, вальсируя с английским лордом. Филипп фон Хоэнхорн почти не разговаривал с ней, и близость его тела казалась ей несколько... пугающей? Он излучал что-то такое, отчего у Элизы делалось холодно в животе, а сердце билось быстрее. Это чувство напоминало ей тревогу, хотя тревожиться было решительно не о чем. С какой стати ей бояться этого молодого барона? Он друг ее брата, ведет себя учтиво и даже обменялся с ней парой слов, чтобы нарушить суровую молчаливость их танца.

И все же Элиза была рада тому, что на следующие танцы

ее ангажировали другие господа. Когда настала очередь брата танцевать с ней галоп, он спросил:

– Ну как, сестрица? Ты довольна?

– Очень! – просияла она. – Здесь чудесно!

Франц кивнул, улыбнулся, и они, подпрыгивая, помчались через залу. После галопа Элиза почувствовала легкую усталость и была рада, когда к ней подошла Анна. Энергически обмахиваясь веером, юная графиня тут же сказала по-друге:

– Мне нужно побыть немного на свежем воздухе. К тому же я бы хотела показать тебе первые страницы.

Глаза Анны заблестели, отражая блеск празднично освещенной залы.

– Твоего романа? Они с тобой?

Элиза кивком указала на свой ридикюль.

– Идем, отыщем тихий уголок, и ты скажешь мне, нравится ли тебе первое письмо.

Барышни покинули бальную залу и, пройдя немного по коридору, увидели слегка приотворенную дверь. Анна осторожно заглянула внутрь.

– Никого! Давай войдем сюда. Ну же, показывай скорее!

– Подожди, дай усесться, – сказала Элиза, опускаясь на бордовое канапе, стоявшее у стены.

Комната, в которой подружки расположились, служила читальным кабинетом, где посетители курзала, уставшие от суеты и многолюдья, могли отдохнуть с газетой или журналом

в руках, а заодно узнать, что творится в мире. Предлагались по большей части французские издания, но были, разумеется, и немецкие, а также несколько английских. Элиза знала об этом от отца, охотно проводившего здесь свободные часы. Помимо канapé в комнате имелись удобные кресла, стулья с прямыми спинками и столики.

– Утомительное занятие – танцевать так долго, – заметила Анна, садясь рядом с Элизой. – Впрочем, это в тысячу раз лучше, чем скучать в стороне.

– Спору нет. Ну так вот те три страницы, что я успела написать. Читай, – сказала сочинительница и не без волнения стала ждать вердикта подруги.

Наконец Анна подняла глаза и лучезарно улыбнулась.

– Это же чудесно! – воскликнула она и театрально вздохнула. – «Губы, подобные лепесткам розы» – очаровательно! А в конце эта прелестная сцена с другой влюбленной парой...

– Так тебе понравилось?

– Ах, не то слово! Только ведь это не начало истории?

– Я еще и сама не знаю.

– Надобно непременно написать о том, как они познакомились и как она по его взгляду поняла, что в нем вспыхнуло чувство.

– Гм... Я думала рассказать об этом в следующем письме. Как бы оглядываясь назад.

– Так, конечно, тоже можно, – возразила Анна. – Но я, от-

кровенно говоря, все же предпочла бы сопереживать влюбленным с самого начала: от первой встречи до первого поцелуя.

– Гм... – опять произнесла Элиза.

– Не могла бы ты чем-нибудь предварить это письмо? Хотя, разумеется, не обязательно рассказывать обо всем строго по порядку.

– Конечно. Спасибо, дорогая Анна, – сказала Элиза, обнимая подругу. – Ну а теперь, полагаю, нам пора идти, не то наши маменьки начнут нас искать.

Элиза встала и направилась к двери.

– Да, пойдём. Не хочу пропустить вальс с Францем. Ну а письмо я после ещё перечту, – сказала Анна и, сложив листки, убрала их в свой ридикюль.

Когда подруги вернулись в залу, оркестр заканчивал играть ещё один галоп. Высокий немолодой господин пригласил Элизу на следующий танец. Она с улыбкой протянула ему руку, а Анна направилась к Францу, которому уже был обещан этот вальс.

Глава 8

Бал удался на славу, чему немало способствовало искусство музыкантов. Филипп нашел оркестр превосходным. Прежде он и сам музицировал, но, к его глубокому сожалению, несколько лет назад ему пришлось отказаться от этого занятия. Он повредил себе левую руку, после чего два сломанных пальца уже не были настолько сильными и подвижными, чтобы он мог играть на фортепьяно так хорошо, как ему хотелось.

Однако вкуса к музыке Филипп не утратил и всегда рад был послушать игру хорошего оркестра – такого, как этот.

Анна, кузина Франца, оказалась премоилоу девушкой, очень легкой в танце благодаря хрупкому телосложению. Быть кавалером Элизы фон Фрайберг Филиппу тоже пришлось по душе – больше, чем он ожидал. Он вел молодую графиню без всякого труда: каждый его знак понимался ею безошибочно. Но вот о чем с ней говорить – этого Филипп решительно не знал. Что же до ее юности, то в новом платье с глубоким декольте дебютантка выглядела вполне взрослой дамой.

Так или иначе, слишком много думать о сестре друга не следовало. Вокруг было много милостидных барышень – радостных и взволнованных. Пальчики одной из них заметно дрожали в руке Филиппа.

– О чем вы думаете? – промолвила фройляйн фон Райнек, ангажированная им на очередной танец. – Или мне следовало бы спросить «о ком»? – прибавила она, кокетливо опустив веки.

– Я думаю о музыке, – дипломатично ответил Филипп. – Если я не стану этого делать, то могу сбиться с такта.

– Ах, не будьте слишком скромны, герр фон Хоэнхорн. Вы не собьетесь.

– Постараюсь оправдать ваши ожидания.

Голубые глаза фройляйн фон Райнек поглядели на Филиппа с такой надеждой, что он едва сдержал улыбку. Неужели эта девица уже причислила его к кандидатам в мужья? Очевидно, не зря Франц советовал ему остерегаться женских сетей – прежде всего на балах.

Фройляйн фон Райнек была далеко не единственной барышней, проявившей к барону фон Хоэнхорну особый интерес. Настойчивее всех оказалась некая фройляйн фон Хайд. После танца она пробовала завязать с Филиппом долгий разговор. Он, однако, ускользнул от нее под тем предлогом, что его, дескать, ждет дама, ангажированная им на следующий вальс. На самом же деле он предпочел дать себе немного отдыха и присоединился к Францу, о чем-то оживленно беседовавшему со своими родными. Это не укрылось от внимания золотоволосой фройляйн фон Хайд, и, беседуя за бокалом игристого вина с графами фон Фрайбергами, старшим и младшим, Филипп вдруг обнаружил, что она не просто стоит

совсем рядом, но еще и пристально смотрит на него поверх раскрытого веера.

– Боюсь, мне придется ненадолго исчезнуть, – признался он своему другу, – пока одна особа не испепелила меня взглядом.

– Коль скоро ты удалишься один, а не с дамой, твоей жизни ничто не угрожает, – отвечал Франц со смехом.

– Тогда прикрой меня от этой бело-розовой фигуры.

Филиппу удалось благополучно выйти из зала. Никем не преследуемый, он стал неторопливо прогуливаться по коридору, с наслаждением дыша полной грудью. Заметив, что дверь читального кабинета приоткрыта, а внутри никого нет, молодой человек решил немного посидеть и подумать над своей задачей: как, не покидая бала, учтиво уклониться от внимания фройляйн фон Хайд.

Войдя в кабинет, Филипп заметил листок бумаги, белевший на полу возле ножки канапе. Наклонившись, он поднял его и развернул. Оказалось, это письмо, вернее, часть письма.

...твои чудесные глаза, твои губы – подобные лепесткам розы, они так и притягивают к себе мои. Ах, mon amour, мы должны найти способ уединиться! Для меня нестерпимо видеться с тобою только в обществе и вести себя так, будто мы едва знакомы, меж тем как вся жизнь моя зависит от тебя.

Вчера, во время прогулки, мне встрети­лась одна влюблен­ная пара. Молодые люди почти не смотре­ли по сторонам, а только друг на друга. Дорога была не совсем хороша, и, что­бы дама не оступилась, спутник придержи­вал ее за талию. На ней было синее платье, сшитое по последней моде, с кру­жевами и складками по краю. Когда она зацепилась подолом за низкую ветку, возлюбленный опустил­ся на колена и помог ей высвободиться. Сколько нежности было в его дви­жениях! Хотелось бы мне, чтобы на месте этой пары были мы с тобой – ты и я.

Близится ночь, пора в постель. Закрыв глаза, я стану представлять себе, что ты со мной и твоя кожа касается моей...

Любовное послание. Такое, в котором говорится о встре­чах наедине, поцелуях и прикосновениях. Однако! Из чьих же рук оно выпало?

В любом случае этот листок следовало спрятать у себя, дабы защитить молодую даму от разглашения ее тайны. По­падись письмо в дурные руки, обоих влюбленных могли на­стигнуть самые неприятные последствия.

Впрочем, это весьма легкомысленно – поверять свои чув­ства бумаге. К счастью, ни одной из любовниц Филиппа не приходило в голову подбрасывать ему такие опасные посла­ния – потому, вероятно, что до сих пор он ни с кем не заво­дил серьезных романов, а с молоденькими порывистыми де-

вушками и вовсе никогда не имел дела.

Сложив письмо несколько раз, Филипп убрал его в жилетный карман. Разумеется, он не допустит ни малейшей неделikatности. И все же это будет занятно – танцуя, наблюдать за дамами и думать о том, которая же из них могла адресовать своему возлюбленному столь пылкие строки.

Глава 9

После бала Элиза спала превосходно. Проснувшись, она не могла отчетливо вспомнить, что ей снилось. Однако осталось такое чувство, будто сильная рука обнимает ее за талию и притягивает к теплому телу – мужскому телу. Она не видит его, а только ощущает.

Элиза с улыбкой вздохнула, подумав о вчерашнем вечере. Что может быть лучше, чем танцевать, ловя многочисленные восхищенные взгляды!

В конце бала Филипп фон Хоэнхорн неожиданно пригласил ее во второй раз, однако сам же не замедлил объяснить ей, что надеется таким образом оградить себя от чрезмерного внимания другой дамы. Стоило ли Элизе обидеться на него или же, напротив, почувствовать себя польщенной? С одной стороны, он неучтиво использовал ее для своей цели, с другой – это, вероятно, могло быть признаком доверия. Так или иначе, Элиза обрадовалась, когда он к ней подошел, и даже почувствовала, как сердце слегка подпрыгнуло в груди (о последнем обстоятельстве никому, кроме нее, не следовало знать).

После завтрака, сидя в большой гостиной, она все еще не решила своей дилеммы. С ней была только маменька. Отец отправился с тетей Бертой к бювету. Что же до Франца и его друга, то они еще не показывали носа из своих комнат. Этот

Филипп фон Хоэнхорн... Элизе не терпелось поговорить с Анной о его странном поступке.

Прежде чем она успела спросить у *татап*, можно ли ей навестить кузину, слуга доложил о первом посетителе:

– Фройляйн фон Креберн.

– Анна! – воскликнула Элиза и, вскочив с места, поспешила навстречу подруге.

– И ты уже на ногах? – удивленно промолвила графиня-мать и с улыбкой призналась: – В ваши годы после балов я редко вставала раньше полудня.

– Я слишком взволнована, чтобы спать, – отвечала Анна. – Ты заметила, тетушка, что мы с Элизой танцевали почти все танцы подряд? Ах, как я полюбила балы! Скорее бы следующий!

– Ждать тебе придется недолго, ну а завтра будет концерт. Летний оркестр играет Шуберта.

– Но ведь это и в прошлом году уже было, – посетовала Элиза. – В курзале какой-то молодой музыкант исполнял сочинения Шуберта на рояле. Он еще, кажется, дружен с тем скрипачом-виртуозом – герром Эрнстом.

Графиня-мать возразила:

– Тот концерт не был официальным, и попали мы на него по чистой случайности.

– Однако молодой человек хорошо играл. Не помните ли вы его имя? – спросила Анна.

– Шуман. Рихард или Роберт... Как-то на «Р». Услышим

ли мы в этом сезоне произведения Бетховена? Очень жаль, что сам маэстро уже умер, – сказала Элиза, грустно покачав головой.

– Ты только потому любишь своего Бетховена, – сказала Анна, соорудив гримасу, – что у него есть пьеса, которая называется «К Элизе».

Элиза высунула язык, и в этот самый момент в комнату вошел герр фон Хоэнхорн. Молодая графиня тут же отвернулась. Быть может, гость не успел обратить внимания на ее ребячливое поведение? По жару, прихлынувшему к голове, она поняла, что краснеет. Ах, скорее бы выйти на свежий воздух!

– Идем, Анна, прогуляемся по саду. Там солнечно и, надо полагать, тепло.

Поприветствовав Филиппа фон Хоэнхорна коротким кивком, Элиза поспешила покинуть комнату. Анна последовала за ней, беззвучно хихикая ей в затылок.

В саду в самом деле было солнечно, однако довольно прохладно. Барышням пришлось признать это, едва они вышли на открытую террасу.

– Давай посидим на той скамейке под старым каштаном, – предложила Элиза. – Она сейчас вся на солнце, на ней мы пригреемся.

– В своем ли ты уме? – возмутилась Анна. – А что же станет с моим лицом? Да знаешь ли ты, сколько компрессов с пахтой я сделала, чтобы выбелить кожу?

– Ах, брось, пожалуйста!

– Нет, это ты брось! Замерзла, так надень накидку.

– Я не замерзла.

Анна пристально посмотрела на подругу и усмехнулась.

– Да, ты и в самом деле выглядишь разгоряченной. Даже покраснела. Это из-за Филиппа фон Хоэнхорна?

– Вздор! С чего бы мне заботиться о том, какого он обо мне мнения? Поговорим лучше о действительно интересном мужчине – о лорде Дэллингеме. Ты знаешь, что он *earl*, то есть граф?

– Конечно. Он нам ровня, хотя и иностранец.

– Вот и отец так думает. Вчера они долго разговаривали, и мне кажется, *papa* был бы только рад, если бы лорд Дэллингем ко мне посватался.

Анна широко раскрыла глаза.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что этот англичанин – первый претендент на твою руку?

– Возможно. Прямо он пока не говорил об этом, однако вчера, когда мы танцевали, назвал мне свое имя – Хенри, – а еще упомянул о том, что в Англии я как дочь графа называлась бы леди Элизой.

– Леди Элиза...

– Только до замужества, разумеется. Потом я стала бы носить титул супруга.

– Леди Дэллингем? Звучит довольно сурово, ты не находишь?

– Не знаю, я об этом пока не думала.

– Лгунья!

Элиза опять хотела показать подруге язык, но, одумавшись, заметила:

– А ты, между прочим, звалась бы леди Анной.

– Быть может, я еще стану леди Дэллингем, если окажусь проворнее тебя?

Элиза вздохнула.

– Шутки шутками, ну а ежели серьезно? Решилась бы ты уехать в другую страну? Маменьке, очевидно, не хочется отпускать меня так далеко. Сама я тоже, вероятно, испугаюсь подобного шага.

– Полно тебе! Ничего страшного в этом нет. Не побоялась же наша великая герцогиня оставить свою родную Швецию. А ты могла бы каждое лето приезжать с мужем сюда, в Баден. Вот я непременно поставлю своему такое условие. Ежели и ты сделаешь то же, мы с тобою сможем видеться столько, сколько и раньше.

– Было бы чудесно.

– Впрочем, мы немного торопим события, – засмеялась Анна. – Вчера был только первый бал. Мало ли кто еще придет сюда в этом сезоне? Полагаю, в молодых господах недостатка не будет!

Глава 10

Филипп не переставал думать о женщине, написавшей то письмо. Почему ее слова снова и снова приходили ему на ум – этого он и сам сказать не мог. Прежде он никогда не задумывался о том, что творится в хорошеньких головках молодых дам и девиц. Теперь же он сделал открытие, которое, бесспорно, удивило его. И да, немного взволновало.

Закрыв глаза, я стану представлять себе, что ты со мной и твоя кожа касается моей...

В последующие дни, посещая бювет, прохаживаясь по саду против курзала и прогуливаясь по Лихтенталер-Аллее, Филипп силился угадать, в ком из тех женщин, которых он встречал, скрывается столь пылко любящая натура. Попытки эти были тщетными, однако помогали проводить время без скуки.

«А что, если это написала вовсе не барышня, а замужняя дама или вдова? – подумал Филипп в какой-то момент, однако сразу же сам себе возразил: – Нет. Слишком уж невинны те строки, где она рассказывает о другой влюбленной паре. Я, конечно, не видел ни начала, ни конца письма. И все же от него веет юностью и чистотой. Та, из-под чьего пера оно вышло, еще не знает плотских утех. Скорее всего, она дебютантка, переживающая первую влюбленность. Времени у меня предостаточно. Постараюсь выяснить, кто же эта де-

вушка. И кто предмет ее чувства».

Наилучшую возможность для наблюдения за людьми Филипп, конечно же, получал, выходя в свет. Благо поводов для этого в Баден-Бадене было предостаточно. Сегодня, к примеру, в курзале давался концерт. Филипп решил непременно занять такое место, которое позволит ему изучать лица слушателей. «Женщины в большинстве своем не слишком усердно прячут свои чувства, – подумал он. – А те сочинения, что будут исполняться сегодня, не могут не тронуть романтическую душу. Быть может, я замечу взгляд, посланный кем-нибудь кому-нибудь украдкой? Ах, как бы мне хотелось разгадать эту тайну!»

Одевшись, Филипп в прекрасном расположении духа вошел в мужскую гостиную, где оба графа, отец и сын, жали его на бокал коньяку.

– Нам необходимо подкрепить силы, – подмигнул хозяин дома гостю. – Говорят, сегодня мы услышим превосходное сопрано, и все же высокие голоса плохо действуют на мои нервы.

Молодые люди согласно рассмеялись.

– В антракте, – продолжал старший граф, – будет подан легкий ужин. Сделай одолжение, Франц, проводи к столу тетю Берту. А вы, герр фон Хоэнхорн, надеюсь, будете рады составить пару Элизе.

Филипп любезно кивнул, однако мысленно отметил: «Не думал я, что придется настолько сблизиться с семейством

фон Фрайбергов. Пожалуй, напрасно я всюду их сопровождал. Впредь не следует этого делать».

— Ну? В путь? — молвил граф. — Надеюсь, дамы уже давно готовы.

Допив коньяк, мужчины вышли в переднюю. Берта фон Лаутербах в самом деле уже спустилась — в элегантном серебристом платье с черной выпушкой. Черный же кружевной шарф покрывал ее плечи, седые волосы были затейливо убраны. Встретив холодный испытующий взгляд этой дамы, Филипп невольно подумал: «Хорошо, что Францу, а не мне быть ее кавалером за столом. С барышней будет, полагаю, попроще, хотя, вероятно, придется поскучать».

Она, молодая графиня, вскоре тоже спустилась, опередив, как ни странно, свою маменьку. В руке у Элизы было письмо, с которым она поспешила к серебряному подносу для корреспонденции, лежавшему на маленьком столике у стены.

«Как хорошо, — сказал себе Филипп, — что я захватил с собою давеча законченное письмо к матери. Оставлю его здесь, и с завтрашней почтой оно будет отправлено».

Элиза приблизилась к тетушке и оживленно с ней заговорила, а гость тем временем подошел к столику, вынул из внутреннего кармана фрака свое письмо и положил его на поднос. При этом взгляд его невольно упал на конверт, оставленный сестрой Франца. Имя адресатки было выведено изящным женским почерком.

Филипп вздрогнул. Послание предназначалось, вероятно,

какой-то подруге, которой он не знал. Однако он знал эту руку! Именно ею были написаны те строки, что он столько раз перечитывал!

Мыслимо ли это? Элиза фон Фрайберг? Благовоспитанная барышня, только вчера начавшая выходить в свет? Может ли быть, чтобы она уже мечтала о поцелуях и ласках любимого мужчины?

* * *

Филиппу с трудом удалось сохранить внешнюю невозмутимость. Открытие взволновало его, тем более что нынче же вечером ему предстояло показаться под руку с Элизой в обществе и сидеть рядом с ней на концерте.

«Невероятно! – удивлялся он. – Как может эта девушка – то есть женщина (ведь она вполне уже созрела, как видно по ее декольте) – столь невинно улыбаться в предвкушении приятного музыкального вечера? Будет ли улыбка Элизы такою же, когда он – тот, кому она писала, – склонится над ней и коснется губами притягательной маленькой родинки на ее груди? Потемнеют ли эти внимательные карие глаза или же закроются, когда... О нет! Не стану даже думать о таком! Что это на меня нашло?»

Слушая пианиста, Филипп старался немного отвлечься от мыслей о женщине, сидевшей подле него и непрестанно напоминавшей ему о своем присутствии цветочным аро-

матом духов. Музыкант исполнял «Шесть музыкальных моментов» – чудесные маленькие пьесы, выражающие самые разнообразные чувства, от беспечной радости до отчаяния. В программе значилось, что эти сочинения Франца Шуберта были опубликованы два года назад, за несколько месяцев до смерти композитора. Филипп слушал их впервые, однако его внимание не желало вполне сосредоточиваться на музыке.

То и дело посматривал он на свою соседку, а вернее, на ее руки с длинными тонкими пальцами, обтянутые белой лайкой. Они то поигрывали веером из слоновой кости, то вежливо аплодировали, то спокойно ложились на колени.

Лицо Элизы Филипп старался не разглядывать, и все же он не мог не соотносить ее облика с тем, что теперь знал о ней. К тому же нельзя было не признать, что эта девушка прелестна. Как она улыбается, как сияют ее глаза, смотрящие на пианиста! Очевидно, тот, другой мужчина, тоже заметил очарование Элизы. И его восхищение не осталось без ответа.

В антракте Филипп подвел соседку к столу и предложил ей бокал вина. Он с улыбкой выслушивал ее замечания и вежливо отвечал на вопросы о его музыкальных предпочтениях. Она так по-девичьи наивно болтала с ним и в то же время – он знал это – тосковала по своему возлюбленному. Какое поразительное противоречие!

После антракта нервы Филиппа уже не были так напряжены. Он сумел отчасти преодолеть то потрясение, каким явилась для него двойная жизнь молодой графини.

Пение, по видимости, не нравилось Элизе. Ее правая рука судорожно сжимала веер, а искоса взглянув ей в лицо, Филипп увидел нахмуренный лоб.

Да, под маской беспечной дебютантки, несомненно, скрывались глубокие чувства. Сейчас ее всего лишь раздражала некоторая резкость высоких сопранных нот, но когда она окажется в объятиях любимого...

«Довольно!» – остановил себя Филипп.

Когда уста твои меня коснутся...⁷

– запела артистка.

«Неужели все сегодня сговорились?» – подумал Филипп, подавив стон.

Глаза горят, от зноя тело страдает,
И сердце полно незнакомой жажды...

Вслушиваясь в эти слова, Элиза подалась вперед и слегка склонила голову набок. Мерцание ее сережки, похожей на каплю росы, привлекло взгляд Филиппа к нежной коже за мочкой уха. Он сглотнул и на мгновение закрыл глаза.

Почему он прежде не замечал, как изысканны линии этой шеи, которую сегодня украшала лишь простая золотая цепочка?

---

⁷ Здесь и далее цитируется романс Франца Шуберта «Тайная любовь» (1827) на стихи Каролины Луизы фон Кленке.

«Уста иссушены томленьем...» — услышал Филипп и невольно облизнул губы. Треклятая песня! Кончится ли она когда-нибудь?

Наконец музыка смолкла. Сопрано поклонилась, принимая аплодисменты и, сказав несколько прощальных слов, запела последний романс.

На всех вершинах —
Покой.
В листве, в долинах
Ни одной
Не вздрогнет черты...
Птицы дремлют в молчании бора.
Подожди только: скоро
Уснешь и ты!⁸

Покой... Да, вот о чем теперь мечтал Филипп. Ему хотелось скорее остаться одному, чтобы сон освободил его от назойливых мыслей.

Так, значит, у Элизы фон Фрайберг есть возлюбленный. И кто же? До сих пор Филипп, пораженный своим открытием, не думал об этом.

В ближайшее время следовало улучшить подходящий мо-

---

⁸ Перевод Валерия Брюсова. Это стихотворение Иоганна Вольфганга Гёте («Ночная песнь странника», 1780) более широко известно русскоязычному читателю в вольном переводе Лермонтова («Горные вершины спят во тьме ночной»).

мент, чтобы вернуть письмо той, кем оно написано, и предостеречь ее. Тайная любовь может довести девушку до беды.

Глава 11

– Уверен ли ты, что хочешь сегодня остаться дома? – спросил Франц, беря цилиндр.

Филипп кивнул.

– Я должен написать письмо родным.

– Ты мог бы сделать это и в другой день, когда погода будет похуже. Идем с нами, друг мой. Вид с горы Меркур тебя восхитит. Или ты не хочешь скучать в обществе моей матери и Амели? Понимаю. Шестнадцатилетние девочки – не самая занятная компания для тебя.

– Нет-нет, не думай ничего такого. Твои сестренки очаровательны, а маменька – интересная собеседница. Но мне правда необходимо заняться моей корреспонденцией. Письмо к матери вот уже несколько дней меня тяготит.

Письмо в самом деле его тяготило, но только не к матери. Он не переставал думать о том послании, что написала своему возлюбленному старшая из сестер Франца.

Элиза.

Сейчас она была в большом салоне и играла на рояле. Танцующие ноты, струясь жемчужным потоком, наполняли собою весь дом.

Филипп с облегчением вздохнул, когда Франц в веселом расположении духа наконец-то отправился на прогулку с матерью и Амели. Настал подходящий момент для того, чтобы

вернуть Элизе письмо и деликатно объяснить ей, на какой опасный путь она ступила.

Разумеется, как человек чести, Филипп не думал разглашать случайно раскрытую чужую тайну. И все же нельзя было допустить, чтобы роман Элизы продолжался. Скандал мог оказаться губительным не только для нее самой, но и для репутации всех фон Фрайбергов – семьи, к которой принадлежал лучший друг Филиппа.

Элиза – то есть, конечно же, графиня (именно так ее следовало называть тем, кто не состоял с ней в родстве) – взяла несколько мощных аккордов. То, что она играла сейчас, было очень несхоже с тем милым легким менуэтом, который исполнялся ею позавчера для родителей и фон Кребернов. Теперь она вкладывала в свою игру некое чувство, не поддающееся описанию, слишком сильное и страстное для невинной девушки с глазами косули и мягкими изгибами стана.

Филипп кашлянул, отгоняя от себя вновь возникшие неподобающие мысли. Как он с собою ни боролся, с того музыкального вечера в курзале и до сих пор ему снова и снова представлялась Элиза в объятиях мужчины. Каково это – держать ее в руках, пробуждая в ней те чувства, что она описала в своем письме?

Перед входом в музыкальный салон Филипп остановился и огляделся. Не смотрит ли кто-нибудь? Граф с сестрой еще не вернулись из города, графиня села в карету и отправилась на прогулку в сопровождении Франца и Амели, Йозефина

сидела в саду с гувернанткой и стопкой книг. Ежели никто из слуг не окажется рядом, то разговор Филиппа с Элизой останется для всех тайной.

Он тихо открыл дверь музыкального салона и, войдя, тут же ее затворил. Молодая графиня фон Фрайберг сидела за роялем, спиной к вошедшему. Музыкантша была, по-видимому, так увлечена игрой, что даже не заметила появления гостя. Это дало ему возможность немного понаблюдать за ней. Тонкую талию обтягивал светло-зеленый шелк пышного платья. Все тело пианистки слегка покачивалось в такт музыке.

Рукава с огромными буфами (*de rigueur*⁹ для дам в том сезоне) были подтянуты при помощи пружинных колец и заколоты на плечах. Эта деталь, не вполне вязавшаяся со всегдашней утонченной благопристойностью манер Элизы, потрясла Филиппа своей интимностью. Молодой человек так смутился, как если бы заглянул барышне под юбку и увидел икры, обтянутые чулками. «Она подобрала рукава только лишь затем, чтобы они не мешали ей музицировать, — успокоил себя он. — Откуда ей было знать, что я войду?»

Играла Элиза превосходно. Филипп впервые слушал ее с таким вниманием и видел, как она всецело отдается музыке.

Отдается... Проклятие! Почему же ему не думалось ни о чем другом? Давно пора было сказать девушке то, что следовало, и выбросить все это из головы. Но сейчас Филипп

---

⁹ Обязательный, требуемый (*фр.*).

мог только стоять и смотреть на спину Элизы, на ее нежную шейку и на локон, выбившийся из прически. Лаская клавиши фортепьяно, она манила и дразнила его.

Он закрыл глаза.

Глава 12

Завершив фортепьянную сонату энергическим аккордом, Элиза сделала глубокий вдох и выдох. К счастью, ее отца не было дома, и он не мог выразить недовольство тем, что сегодня она выбрала для своего музыкального занятия столь нелюбимого им Бетховена.

– Вы отлично играете, графиня, – произнес мужской голос.

Элиза обернулась. У закрытой двери стоял Филипп фон Хоэнхорн. Давно ли он вошел? Сердце замерло – вероятно, от испуга. Видя, что молодой человек медленно приближается к ней, она нахмурилась.

– Что вам угодно?

– Я должен говорить с вами об одном важном деле.

– Не знаю, подходит ли нам беседовать наедине. Не лучше ли будет, если вы хотя бы отворите дверь?

Элиза опять повернулась к клавишам и опустила на них руки, но не заиграла. Что вдруг понадобилось от нее другу Франца? В последние дни ей не раз казалось, будто он за ней наблюдает, и потому она неловко чувствовала себя в его обществе. Возможно, он в нее влюбился? Едва ли. Иначе он не был бы так рад тому, что на вчерашнем званом вечере ему выпало вести к столу хорошенькую фройляйн фон Биндхайм. Но тогда зачем же он вздумал отвлекать ее, Элизу, от

уединенного музицирования?

Филипп фон Хоэнхорн подошел к роялю так близко, как если бы собирался перевертывать нотные страницы.

– Полагаю, никому, кроме вас, не следует слышать того, что я должен вам сказать.

Элиза встретила его взгляд и почувствовала, как желудок сжался от какого-то непривычного ощущения. Или это было сердце? Нет, конечно же желудок. Она просто забеспокоилась: вдруг гость принес ей какое-то дурное известие?

– Могу ли я быть откровенным? – спросил Филипп.

– Сделайте одолжение, – кивнула Элиза.

– Я нахожу ваше поведение крайне неподобающим и даже опасным, – произнес он, глядя на нее серьезно, почти сурово.

Что же она сделала?

– Я вас не понимаю.

Филипп фон Хоэнхорн достал из жилетного кармана сложенный листок и протянул его ей.

– Это писано вашей рукой, не так ли, графиня?

Сердце Элизы забилось быстрее. Да, это был ее почерк. Ее письмо. Вернее, страница из первой главы ее романа, которую она давала читать Анне на бале.

Как это попало к Филиппу фон Хоэнхорну?

И – что еще важнее – прочел ли он написанное?

Элиза почувствовала жар, охвативший тело и прихлынувший к голове. Она подняла глаза. Взор Филиппа покоился

на ней, лицо его было лишено всякого выражения.

Да, он прочел письмо. Несомненно. И подумал...

Ее щеки запылали еще сильнее. Грудь стала вздыматься и опускаться заметнее и чаще. Взгляд Филиппа невольно остановился на ее декольте.

Элиза быстро встала и, отвернувшись, перечла отрывок письма. Это было послание героя к героине, в котором он рассказывал, как встретил ее на бале и полюбил.

...твои чудесные глаза, твои губы – подобные лепесткам розы, они так и притягивают к себе мои. Ах, mon amour, мы должны найти способ уединиться! Для меня нестерпимо видеться с тобою только в обществе и вести себя так, будто мы едва знакомы, меж тем как вся жизнь моя зависит от тебя.

Далее следовала сцена на прогулке – вполне невинная.

Близится ночь, пора в постель. Закрыв глаза, я стану представлять себе, что ты со мной и твоя кожа касается моей...

На этом письмо обрывалось. Сочинительница, невольно переставшая дышать, теперь позволила себе вздохнуть с облегчением. По счастью, здесь ничего не говорилось о тех смелых ласках, которые вспоминала Мину. Их Элиза прибе-

регла для следующих глав, поскольку не хотела, чтобы действие романа развивалось слишком быстро.

Опять сложив листок и спрятав его в карман, она повернулась к Филиппу фон Хоэнхорну. Молодой человек не сдвинулся с места и глядел все так же: серьезно и, как ей показалось, с осуждением. Неужели он принял литературное письмо за настоящее? Герой – мужчина, а она женщина, так разве не понятно, что эти строки не могут быть написаны ею?

Впрочем, нет, конечно же, их написала она, Элиза, но только не от своего лица, а от вымышленного. Письмо мужское, рука женская – разве так бывает на самом деле? Похоже, друг Франца не слишком-то сообразителен!

– Полагаю, нам лучше сесть, – сказала Элиза и направилась к канапе с высокой спинкой, а гостью указала на одно из кресел.

Возникшая пауза позволила ей вернуть себе утраченное самообладание. Они молча сели.

– Стало быть, по-вашему, мое поведение неподобающе и даже опасно? – осторожно спросила она.

Он кивнул.

– Но вы можете положиться на мою порядочность.

– И что же вы посоветуете мне предпринять? – промолвила Элиза, не сумев сдержать легкой усмешки.

Уж очень это было забавно – немного подурачить такого уморительно серьезного молодого господина.

– Расстаньтесь с тем мужчиной, ежели он не просит вашей

руки.

Элиза склонила голову набок.

– А если он не может этого сделать?

Она не знала, какие мысли посетили Филиппа фон Хоэнхорна, однако с интересом подметила, что теперь его лицо порозовело. Так, значит, он считал ее способной безрассудно отдаться страсти? Элиза почувствовала себя почти польщенной, хотя ей следовало бы оскорбиться.

– Графиня, прошу вас, подумайте о том скандале, который разразится, если вы... К чему, позвольте спросить, такая секретность? Он не равен вам по положению?

Элиза улыбнулась. В самом деле, не потому ли ее герои переписываются тайно, что их разделяют сословные преграды? До сих пор она об этом не думала, но идея была недурна.

– Возможно.

Филипп фон Хоэнхорн, скептически хмыкнув, возразил:

– Однако представляете ли вы себе, каковы будут последствия, если о вашей связи узнают? Ваша репутация будет погублена! Уверены ли вы хотя бы в порядочности этого мужчины?

– Вполне.

Разговор уже начинал нравиться Элизе. Между прочим, она не могла не отметить, что со стороны барона фон Хоэнхорна это довольно-таки благородно – заботиться о ее добром имени.

– Хотите, я велю принести нам по бокалу вина? – пред-

ложила она и рассмеялась при виде обескураженного лица своего собеседника.

Он, возмущенный, вскочил.

– Как можете вы шутить такими немыслимыми вещами? Мы здесь одни, и о нас, чего доброго, подумают...

– Успокойтесь, барон. Я вас не скомпрометирую. Сядьте, пожалуйста, опять. Я хочу вам кое-что объяснить.

Элиза подождала, расправила юбки и, спокойно поглядев на Филиппа, сказала:

– Все это неправда.

Барон фон Хоэнхорн нахмурил брови.

– То есть как?

– Все неправда. Того, о чем вы подумали, прочтя это письмо, на самом деле не было.

– Но оно же написано вами?

– Верно. Однако это не настоящее письмо, а страница романа, который я недавно начала сочинять. На бале я показала первую главу своей подруге Анне фон Креберн. Очевидно, тогда-то листок и затерялся. Благодарю вас за то, что вы сохранили его и возвратили мне. Но уверяю вас: нет никакой нужды предостерегать меня от тайных связей. Я дорожу своим добрым именем и могу сама о себе позаботиться.

Элиза улыбнулась, довольная этим маленьким монологом.

– И я могу вам поверить? – произнес Филипп скорее с облегчением, нежели с недоверием.

– Ну конечно же. Видите ли, читая это письмо, вы не учли одного обстоятельства: послание хоть и написано моею рукой, однако адресовано женщине. Обрати вы внимание на это противоречие, вам все стало бы ясно, и недоразумения бы не вышло.

– Так это, по вашему замыслу, письмо мужчины?

– Разумеется.

Филипп фон Хоэнхорн покачал головой.

– Мне так не показалось.

– Нет? – переспросила Элиза, перестав самоуверенно улыбаться.

Выходит, она не сумела достоверно передать чувства мужчины?

– Видите ли, – сказал Филипп фон Хоэнхорн, подавшись вперед, – слова, которые вы выбираете, очень... э... сентиментальны. И еще этот пассаж про платье. Я в точности не запомнил, но там описываются детали дамского туалета.

Элиза кивнула. Филипп продолжал:

– Мужчина не обратил бы внимания на такие подробности. Он заметил бы, пожалуй, только цвет платья да форму декольте, да еще, может быть, то, как ткань обхватывает стан женщины. – Барон кашлянул. – Но не какие-нибудь кружева или оборки. Их бы мужчина описывать не стал.

Ах, как обидно! Неужели весь труд Элизы оказался напрасен?

– Тогда о чем же он упомянул бы? О прическе?

Филипп слегка улыбнулся – впервые с тех пор, как вошел в музыкальный салон.

– Нет, графиня. Думаю, он скорее отметил бы нежную кожу шеи, а в сцене с платьем, зацепившимся за ветку, обратил бы внимание на лодыжку, показавшуюся из-под юбок.

Элиза украдкой посмотрела на свои ноги: к счастью, они были благопристойно скрыты подолом.

– Так вот, стало быть, как смотрят на нас мужчины? – вырвалось у нее.

– Боюсь, что да.

– Откуда же мне было это знать? Однако знать я все-таки должна, ежели хочу написать роман! – воскликнула Элиза и прибавила: – Выходит, что мне нужна помощь.

Филипп посмотрел на нее вопрошающе.

– Помощь?

– Да. – Элиза собралась с духом и промолвила: – Не могли бы вы помочь мне, герр фон Хоэнхорн? Вы же мужчина...

Теперь он улыбнулся по-настоящему.

– Что я мужчина, это верно. Но как вы представляете себе мое участие в вашем сочинительстве?

– Очень просто. Я буду передавать вам письма, написанные от лица героя, а вы будете исправлять их так, чтобы они звучали по-мужски. Вы с этим справитесь?

Содержащееся в этом вопросе сомнение в его литературных способностях задело Филиппа фон Хоэнхорна. Он вскинул голову и с уверенностью произнес:

– Вне всякого сомнения.

– Так вы согласны? При условии полной секретности, конечно же.

– Это само собой, графиня.

– Вот и отлично.

Элиза встала, Филипп тоже поспешил подняться.

– Ну, раз мы все выяснили, – сказала она, – то я бы хотела еще немного поупражняться на фортепьяно, а вам лучше выйти в сад. Кажется, Йозефина и ее гувернантка только что вернулись. Ни к чему, чтобы они видели нас вдвоем. Не то меня заподозрят в еще одном тайном романе.

Молодая графиня рассмеялась и отворила для герра фон Хоэнхорна стеклянную дверь. Он вышел, слегка поклонившись, однако не сказав более ни слова. Затворять дверь Элиза не стала: разгоряченная разговором, она захотела глотнуть немного прохладного воздуха. Неужто барон в самом деле подумал, что у нее есть любовник? Представлял ли он себе, читая написанное ею, как она кого-то целует?

Нет, вздор! Герр фон Хоэнхорн – серьезный молодой человек, преданный друг Франца. Он просто хотел ее предостеречь, вот и все.

А если она мысленно сообщит своему герою его черты, так это только для пользы дела: этот человек, чья наружность недурна, все время находится у нее перед глазами, и никого другого она не сумеет описать лучше.

Глава 13

После разговора с Элизой у Филиппа отлегло от сердца. Да, признаться, он был рад, что история с письмом приняла такой безобидный оборот. Мысли о том, какие последствия настигнут эту девушку, окажись она в объятиях недостойного мужчины, можно было, выражаясь канцелярским языком, сдать в архив.

Ближайшим вечером фон Фрайбергов ожидало в гости знакомое французское семейство. Это обстоятельство слегка огорчало Филиппа: он предпочел бы провести время с хозяйками белого дворца и впервые более или менее обстоятельно поговорить с их старшей дочерью. К примеру, о литературе. Что побудило молоденькую графиню заняться написанием эпистолярного романа? Быть может, ее вдохновил Руссо? Или Гёте?

Откровенно говоря, Филипп немного сомневался в том, следовало ли Элизе браться за роман. Не потому, что она женщина. Бывают ведь и женщины-писательницы. Просто сейчас ему не приходило в голову ни одного имени. Нет, положим, сам по себе литературный труд вполне приличествует дамам, но вот выбранный Элизой предмет... Подобаает ли барышне писать о тайной страсти?

Сравнение губ с лепестками розы – это еще куда ни шло. Подобное часто встречается в стихах. Но вот ощущение от

прикосновения кожей к коже... Как невинная девочка додумалась до такого? Интересно было бы прочесть все письмо. Раньше Филипп не подозревал, что девичье воображение способно заходить настолько далеко.

Твоя кожа касается моей...

Филипп тряхнул головой, отгоняя от себя воспоминание о декольтированной груди Элизы.

* * *

Вечером Филипп наведлся в гостиницу «Лис», где встретил господ фон Глессема и фон Штайнхайма, сидевших за кружкой пива. Завязался дружеский разговор.

– Так вы приятель Франца фон Фрайберга? – спросил герр фон Глессем. – Жаль, что он сам не пришел.

– Сегодня он должен быть на ужине вместе со всем семейством, – отвечал Филипп.

– Вы живете у них во дворце? – осведомился герр фон Штайнхайм. – Не припомню, чтобы я видел вас в «Баденском дворе», а ведь это, как известно, единственный здешний отель, пригодный для проживания.

– Да, я гость фон Фрайбергов.

– Вам можно позавидовать, – вздохнул герр фон Глессем и, встретив вопросительный взгляд Филиппа, пояснил: – Их дочка прехорошенькая, вы не находите? На прошлом бале мне посчастливилось танцевать с ней. Она была сама лег-

кость и грация. Вы, часом, не знаете, есть ли у нее уже поклонник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.